

Ускользящий мир

Автор:

Марина Ефиминюк

Ускользящий мир

Марина Владимировна Ефиминюк

Влюбиться в очаровательного злодея... Романтично? Любовь злодея опасна. Не стоит открывать ему двери, если они ведут в другой, жестокий мир, полный дождей и людей, похожих на потерянные тени.

Женя не подозревала, как обернется ее жизнь, когда в одно прекрасное утро, обещающее стать обыкновенным, в своей кровати она обнаружила смертельно раненного незнакомца. Чтобы остаться в живых, ей придется пройти огонь, воду и... найти параллельный мир, ловко ускользящий из ее рук.

Марина Ефиминюк

Ускользящий мир

Часть первая

УБИЙЦА, КОТОРЫЙ ЛЮБИТ МЕНЯ

Когда ты была здесь раньше, я не мог посмотреть тебе в глаза.

Ты так похожа на ангела, твоя кожа заставляет меня рыдать.

Ты паришь, словно перышко по прекрасному миру,

И я хочу быть особенным, ведь ты чертовски особенная.

Но я неудачник, я отморозок... Какого черта я здесь делаю?

Мне здесь не место...

Radiohead. Creep

(вольный перевод)

Ия

Ия старалась справиться с нахлынувшей на нее слабостью и страхом. Ей хотелось чувствовать смелость, может быть, даже злость. Выскочить сейчас на площадь, сорвать с пояса призму с прозрачно-голубой холодной энергией и ринуться в бой. Вместо этого она сидела в тонированной до черноты машине и нервно тряслась, прислушиваясь. С оглушительным грохотом что-то рухнуло на крышу, и тонкий металл вместе с обшивкой прогнулся над светловолосой макушкой девушки. Ия непроизвольно вжала голову в плечи и зажмурилась, перебирая тонкими пальчиками висящий на шее медальон ловца энергии.

На ум очень некстати пришла формула расстояния между параллельными мирами. Вспомнилась схема положения параллелей на стене классной комнаты, где их мир выделялся жирной красной чертой, а второй, официально названный Индустриальным, тонким однонаправленным вектором. Ия, отличница, дипломированный специалист по чтению энергетических следов, в совершенстве знала теорию, но совсем не умела драться!

Девушка закрыла уши и, чтобы не слышать доносившихся извне воплей и громких ругательств, принялась напевать глупую песенку, услышанную накануне по музыкальному каналу видения.

От резкого удара пошатнулась машина, сверху посыпалась крошка разбитого стекла, девушка взвизгнула, прикрыв голову. Спасаясь, она скатилась с сиденья и сжалась в комочек. Рядом с лицом свесилась рука со стекающими по пальцам тонкими струйками крови. Ия почувствовала, как к горлу подступил тошнотворный комок.

- Эй! Ты жив?! - Она осторожно высунулась.

Мужчина из ее сопровождения тарачился страшными мертвыми глазами, открытый рот превратился в черный провал. Девушку затрясло с удвоенной силой - она впервые так близко сталкивалась со смертью. Ловец энергии погибшего хранителя сбился у самого кадыка наподобие удавки. Неожиданно с тихим выдохом из медальона вылетело голубое облачко, и ее ловец моментально всосал в себя утерянные другим крохи. Как всегда, он чувствовал и забирал любые капли драгоценной энергии, разлитой в воздухе. Сейчас отнял даже у мертвого!

Неожиданно девушке стало страшно и мерзко, она резко отжала кнопку блокировки двери и выскочила на пыльную дорогу. Ветер ударил в лицо и разметал длинные волосы. Осенние листья закружились на мостовой жалкой юлой. Под ногами корчился и стонал от боли один из ее телохранителей. Закатив глаза, несчастный метался по брусчатке, держась за сердце.

Под обрывом тысячами энергетических огней поблескивала городская жизнь. Здесь же старые полуразрушенные дома брошенного Северного района тарачились разбитыми окнами, от сквозняка хлопали рамы. Жалкие остовы брошенной цивилизации, забытые и ненужные. Город скоро вернется сюда, но пока окрестности походили на декорации для видения ужасов и привечали бродяг и бездомными собак.

Взгляд Ии полубезумно разрывался между двумя затухающими голубоватыми вспышками-стрелами, рассекшими ночь. На дороге полыхал автомобиль, дым серым столбом вспарывал воздух. Отблески пламени освещали высокого мужчину, убивающего хранителя, одного из тех, кто сопровождал Ию в ее двухдневном путешествии. Одна рука убийцы с запястьем, обмотанным кожаным шнурком с крошечным ловцом энергии, прижималась к груди жертвы, и несчастный, не в силах пошевелиться, чернел на глазах. Телохранители Ии, боясь приблизиться, застыли в боевых позах, но они не угрожали, а только пытались угрожать напавшему на их картеж преступнику. Стоило кому-то из

хранителей сделать едва заметное движение в сторону убийцы, как из-под руки того вырывался красноватый энергетический след. Заложник вскрикивал и подгибал колени, но, удерживаемый странной силой, оставался на ногах. Убийца спокойно и сосредоточенно следил за хранителями, не давая им приблизиться ни на шаг. Ия с ужасом поняла, что на поясах ее друзей не осталось ни одной энергетической призмы. Хранители оказались фактически безоружными, а бросаться на преступника с кулаками, чтобы спасти соратника, боялись.

Всполохи огня раскрашивали лицо агрессора красными разводами, отражались замысловатым узором на белой сорочке с драгоценными запонками. И Ия узнала мужчину. Узнала только потому, что красивое лицо Люкки Романова с широкими скулами, чуть выдававшимся подбородком и темными, почти черными глазами было невозможно забыть. Подруги шептались в Академии о том, как он переметнулся. На другую сторону.

И теперь он убивал людей, которые защищали ее!

Злость наполнила девушку до краев. Она сорвала с пояса шарик-призму с голубоватой светящейся пружинкой энергии и, почувствовав острое покалывание в ладони, швырнула в сторону Люкки. Блестящая линия прочертилась над головой мужчины и почти опалила иссиня-черные волосы. Он неожиданно резко оглянулся и из-под бровей уставился на девушку, буквально отпихнув от себя жертву. Охранник свалился в пыль, как тряпичная кукла, и, схватившись за грудь, надрывно закашлял. От пронизывающего взгляда убийцы Ия превратилась в соляной столб.

– Ия, ты зачем вылезла из машины?! – услышала она оклик главного в их отряде, но было поздно.

Она не успела опомниться, а ее уже прижимали к крепкому мужскому телу. Ледяная ладонь лежала на солнечном сплетении, пронизывая холодом до костей. Девушка боялась вздохнуть или пошевелиться, рука убийцы находилась как раз там, где на груди она прятала то, что сегодня ночью должна была довести до конторы хранителей.

– Отпусти ее, ублюдок! – заорал Докука, старший в отряде, и от бессилия его простое усатое лицо побледнело и вытянулось.

– Непременно, – раздался над ухом Ии спокойный голос, глубокий и обволакивающий. – Если перестанете нападать. Поверьте, Суд через пять минут узнает, что хранители нарушили пяток очень важных законов!

– Это ты убил двух человек! – Теперь уже в ярости телохранитель ткнул в их сторону пальцем.

– Пока одного! – хмыкнул голос. – Но и это была самозащита, что я тоже легко докажу в Суде!

Тут Ия поняла, что Люкка куда-то тащит ее, ступая тихо и пружинисто. Зато ее ноги не слушались.

– Спокойнее, малышка Ия. – Горячее дыхание, так сильно непохожее на смертоносный холод ладони, защекотало ухо. – В отличие от твоих друзей, я не безумец. У меня просто не в том месте и не в то время сломалась машина.

Через пелену слез она видела, как телохранители не отстают ни на шаг, напряженно следя за убийцей. Люкка пятился, отчего-то бережно придерживая Ию за талию, чтобы та не оступилась.

Почему злодеи всегда прекрасны лицом и черны душой?! Ия прикусила губу, чтобы не заорать. Хранители медленно двигались, не сводя настороженных глаз.

– Послушай, малышка Ия, – вдруг заинтересовался Люкка, – а что они так всполошились? – Он помолчал. – Неужели ты прячешь какой-то страшный секрет, детка?

Ию бросило в жар, кровь застучала в висках. Она почувствовала, как под пальцами убийцы под ребрами забарабанило сердце. От страха девушка не сразу поняла, что Люкка тянет ее в черноту, подальше от горящего автомобиля и поля боя.

– Твое сердце бьется, как у мышки, – мурлыкал голос. – Похоже, я оказался прав?

Неожиданно ноги загнулись о ступеньки, и девушка заставила себя согнуть колени, чтобы подняться. Она догадалась, что Люкка притащил ее к подъезду заброшенного дома. Рука мужчины вдруг быстро, словно лаская, скользнула под тонкую ткань девушкиной футболки, заставив Ию замереть, и нащупала то, что она прятала за воротом все эти сутки – маленький мешочек. Девушка и не знала, что в нем, – ей просто доверили доставить этот мешочек. Это было ее первое задание. Первое!

Люкка дернул так резко, жестко, что разорвавшаяся с тонким звуком веревка обожгла кожу и оставила след на шее. Ия вскрикнула и вывернулась, подстегиваемая ужасом, что сможет провалить задание. Убийца на мгновение замешкался, вероятно не ожидая от жертвы подобной ловкости. Ии оказалось достаточно и доли секунды. В ее кулаке уже пульсировала последняя призма с голубоватым свечением, и не размышляя она всадила заряд в живот преступника. Кажется, в лице Люкки проскользнуло удивление, он схватился за трухлявый дверной косяк, стараясь удержаться на ногах и не рухнуть в беспросветную темноту черной лестницы. Опешившая от своего поступка Ия стояла с открытым ртом.

– Держи его! – орал кто-то. За спиной раздавался топот бегущих ног. – Иначе он уйдет в параллель! Не найдем!

Будто очнувшись, она попыталась схватить Люкку за запястье, обмотанное шнурком ловца энергии, но влажные от страха ладони скользнули лишь по кончикам пальцев. Мужчина упал в черный проем, чтобы исчезнуть.

Евгения

Это утро было обязано стать самым обычным утром в конце лета, перед сентябрем. Днем казалось душно, а ночью через открытое окно в комнату пробиралась острая прохлада, так сильно пахнувшая осенью.

Солнце, выскользнув из-за горизонта, уже медленно плыло, окрашивая в охру крыши многоэтажек в спальном районе города. На еще пустые улицы поспешно выкатывались первые автомобили, торопившиеся выстроиться в длинные пробки.

Я проснулась от резкой головной боли и холода, сочившегося через открытую балконную дверь. С трудом разлепив горящие глаза, я трясущейся рукой подняла круглый будильник, стоявший на полу у низкой кровати. Стрелки бодро отсчитали начало шестого. Во рту пересохло настолько, что язык прилип к небу, любое движение отзывалось непрошеной головной болью. Глухо застонав, я рухнула на подушку с давно свалявшимся наполнителем и, повернувшись... уткнулась в твердое мужское плечо!

Наверное, так может произойти, когда после славного девичника просыпаешься в кровати с незнакомцем. При одном условии: ты не засыпала в гордом одиночестве!

Как ошпаренная я вскочила с громким визгом и с гулко бьющимся от страха сердцем и уставилась на НЕГО... Надо сказать, тут обнаружилась странность. Он лежал на другой половине моей кровати полностью одетый: в брюках, ботинках, в рубашке с бурыми пятнами и дорогущими рубиновыми запонками на манжетах. Его лицо было белее мела, а губы посинели. Я в ужасе поняла, что простыня и моя растянутая футболка с милыми зайчиками перепачканы засохшей кровью. Похоже, незнакомец, появившийся из воздуха, поспешно отдал богу душу. На моей постели!

Меня затрясло с удвоенной силой, а боль, будто стрела, пронзила похмельную голову от затылка до правого глаза. Я обошла кровать, осторожно опустилась на колени и протянула руку, чтобы потрогать тело в слабой надежде, что все это галлюцинация – последствие алкогольного отравления.

Именно в этот самый момент мое скуластое видение резко открыло глаза – злющие, с черной радужкой, сливающейся со зрачком. Я заорала так, что, наверное, разбудила всех собак в районе – а соседей уж точно, – и уселась на пол. Не дожидаясь нападения, подскочила как умалишенная, с удивительным проворством вылетела в коридор и привалилась к двери спальни всем телом. Отчего-то в затылке странно засвербело. Мне так и чудилось, что неизвестный сейчас с легкостью толкнет дверь и потом...

«Потом» воображение нарисовало очень красочно. Особенно ярким оказался образ кровавого следа на светленьких обоях в голубой цветочек. Меня бросило в жар, а через секунду в холод. С замирающим сердцем я прислушалась к шорохам, но из спальни не доносилось ни единого звука. Сильно нервничая, я

второпях подставила к круглой ручке стул с высокой спинкой. Если этот, что на кровати, выберется из комнаты, то, по крайней мере, не сразу.

Входная дверь оказалась приоткрытой, и из щели тянул сквозняк. Выскочив в холодный, пахнувший кошками подъезд, я заголосила что было мочи:

- Помогите!!!

Первой на мой вопль из своей конуры выбралась бабка из дальней квартиры, мучившаяся от бессонницы, и окинула меня зорким орлиным взглядом.

- Екатерина Авдотьевна! - обхватив себя руками, истерично завопила я. - У меня в кровати мужчина!!!

У бабули вытянулось морщинистое нарумяненное лицо, словно старуха положила в беззубый рот половинку лимона.

Из-за соседних трех дверей стали появляться заспанные недовольные персонажи в наспех надетых халатах и тренировочных штанах. Этажом ниже залаяла собака, не привыкшая к подобному переполоху.

- Мужиков водит, а теперь визжит!.. - объявила Екатерина Авдотьевна всем сонным соседям, ткнув в меня пальцем.

- Да нет же! - запричитала я, перебивая ее. - Это грабитель! Он забрался ко мне ночью, дверь вон взломал... - Новенький замок-предатель выглядел омерзительно целым. - Вор весь в крови! Господи, быстрее вызывайте милицию! «Скорую»! Он там сейчас сдохнет в моей постели! Меня же арестуют! - Я резко осеклась, осознав, что мои слова звучат бредом сумасшедшего.

Потенциальные спасители, позевывая, глядели на меня с неммым укором, потом как-то очень быстро скрылись в квартирах. Рассерженно щелкнул замок железной двери Екатерины Авдотьевны. Последним уходил дядя Вася - горький пьяница, живущий через стенку, он тяжело вздохнул:

- Эх, Женька, Женька! Хорошо, родители тебя в таком виде... - Покачав головой, он тоже убрался восвояси.

Я, не найдя поддержки, рассеянно оглядывалась, босая, сиротливо топталась на ледяных кафельных плитках. Возмутительно, но мне никто не поверил!

Я кинулась в квартиру, схватила телефон, ключи и, закрыв за собой дверь на замок, сползла по шершавой стене подъезда, одновременно набирая номер милиции.

- лейтенант Уточкин слушает, - донеслось до меня, словно из бочонка.

- Але, лейтенант, - едва не плача, пробормотала я. - В моей постели помирает грабитель!

- Кто, простите? - поперхнулся невидимый собеседник.

- Я проснулась, - стала сбивчиво объяснять я, - а он лежит рядом, весь в крови. Я не понимаю, как он появился в моей квартире, но, кажется, он сейчас коньки отбросит. Пожалуйста, приезжайте поскорее! - На последних словах мой голос сорвался, а по щекам потекли слезы.

- Девушка, - раздалось недовольное покашливание, - я ничего не понимаю, объясните, в чем дело. Спокойно! - осадил он, когда я жалобно завывала в трубку, и уточнил: - Что произошло?

- Приезжайте... - прошептала я. - Меня убили!

Голос стал еще скучнее:

- Едем. Адрес называйте...

Когда, наконец, прибыла милиция, соседи предпочли не оставаться в стороне от намечавшегося развлечения и снова высыпали на площадку, с любопытством поглядывая на людей в форме.

- Евгения Соколовская? - строго спросил участковый, помятый и невыспавшийся. Он явно ненавидел меня за раннее пробуждение и испорченную квартальную статистику по уголовным делам.

Я горячо закивала растрепанной головой и с готовностью ткнула пальцем в дверь:

- Он там! Я его закрыла, чтобы не сбежал!

- Так вор сейчас внутри? - изумился участковый и переглянулся со своим помощником.

- Ну да! - воскликнула я, пытаюсь открыть вечно заедающий замок. - Я же говорю, я проснулась, а он рядом. В комнате.

Дверь наконец поддалась, и мы попали в недра моего давно не подвергавшегося уборке жилища.

Соседи дружной толпой сгрудились на входе, с любопытством впитывая происходящее. Как будто пришли в цирк. Стул по-прежнему сиротливо подпирал дверь. Участковый споткнулся о мои туфли, брошенные ночью посреди коридора, и тихо чертыхнулся.

- Где он?

- Там! - кивнула я.

- Балкон есть? - на всякий случай поинтересовался представитель власти, похоже просто набираясь духу для встречи с пойманным и смертельно раненным грабителем.

- Есть, но толку-то?! - изумилась я. - Я же на тринадцатом этаже! До земли далеко, до крыши еще двенадцать этажей... Он все равно уйти не сможет.

Смирившись с тем, что с преступником все-таки придется столкнуться лицом к лицу, с разнесчастным видом участковый убрал стул и с превеликой осторожностью приоткрыл дверь, опасливо заглянув в спальню, которая являлась для меня и гостиной, и рабочим кабинетом. Там царил художественный беспорядок. Вчера, завалившись с вечеринки, в пьяном угаре я стаскивала с себя одежду и раскидывала куда придется. На крышке открытого ноутбука, словно в насмешку, висел крохотный кружевной предмет женского туалета. Шелковое

голубое платье яркой лужицей разлилось на ковре посреди комнаты... Рядом с ним вполне определенно и веско валялась белая мужская сорочка. Дальше прочертилась дорожка из двух разбросанных черных ботинок, кожаного ремня и носков. Заканчивали картину мятые мужские брюки, явно дорогие и, несомненно, испорченные от такого обращения.

Мне показалось, что я схожу с ума. Уши загорелись, лицо приобрело неприятный багровый оттенок, правое веко нервно подрагивало. Лейтенант внимательно проследил за одеждой, ведущей к ложу в нише комнаты, и наткнулся взглядом на мирно спящего на животе черноволосого мужчину, до пояса едва прикрытого простыней. Тот словно не слышал творившегося вокруг. На полу у кровати рядом с будильником недвусмысленно возвышалась ополовиненная бутылка виски и два стакана с темно-коричневой жидкостью на дне.

Последний раз так стыдно мне было в первом классе, когда на конкурсе чтецов я напрочь забыла вызубренное, отрепетированное сто раз стихотворение, которое написала классная руководительница, и стояла на сцене, шумно дыша в микрофон.

Участковый оглянулся на меня, в его лице отражалась буря эмоций.

– Я вижу его впервые! – только и смогла заверить я милиционера, защищаясь.

– Не сомневаюсь! – прошипел он и пулей выскочил из квартиры, зажав под мышкой фуражку.

Соседи, возбужденно шепчась, разошлись. Теперь повода для сплетен хватит на целый год вперед. Потом я на своей машине опять случайно задавлю очередного кота Екатерины Авдотьевны, соседи, как всегда, примутся обсуждать мою безответственность и напишут ругательное письмо в комитет защиты животных. Господи, если бы мне посчастливилось жить этажом ниже, то они бы все дружно умерли от скуки или перекусили друг друга!

Я стояла посреди коридора и чувствовала себя последней дурой.

Невероятно! Все выглядело так, будто я на пьяную голову действительно притащила неизвестного типа к себе домой, а когда утром проснулась, то не смогла узнать ночного приятеля. Помешательство сплошное! Он же умирал!

На всякий случай я снова заглянула в комнату. Вещи действительно валялись в художественном беспорядке. Платье лежало на том же месте, кружевной бюстгальтер фривольно свисал с пыльной крышки компьютера и... никаких мужских вещей. Тут раздался хриловатый стон, полностью одетый незнакомец в перепачканной кровью сорочке перекатился на спину, от боли закрыв глаза руками с длинными красивыми пальцами. На тонком шнурке вокруг его запястья болтался маленький серебристый медальон, поблескивавший красноватым светом. Рубаха на груди незнакомца расстегнулась, раскрыв большую черную рану под ребрами. Внутренности мне скрутило тугим узлом, и к горлу подступил тошнотворный комок.

– О боже! – прошептала я, отшатываясь и прикрывая рот ладошкой.

Вероятно различив мой лепет, мужчина резко и быстро повернул голову в мою сторону, блеснув черными злыми глазами. Никогда я еще не видела такого прекрасного лица, возможно, с не слишком правильными чертами, но соединенными в совершенный портрет. На широких скулах играл лихорадочный румянец.

– Не надо больше людей... Я не причиню вреда... – Его голос, сейчас напряженный от боли, казался очень глубоким и бархатным. Незнакомец закатил глаза и провалился в беспамятство.

Через короткий миг я снова стояла в коридоре, дрожа всем телом, а стул подпирал дверь. Подхватив телефон и пачку сигарет, я вернулась в подъезд и поспешно заперла дверь на замок. Только здесь я чувствовала себя в относительной безопасности. Нервно я выхватила тонкую сигаретку, трясущейся рукой поднесла к кончику зажигалку и глубоко вдохнула едкий дым, от которого неприятно обожгло желудок. Совершенно точно меня покинул рассудок! На всякий случай пришлось ущипнуть себя за голую замерзшую ногу. К несчастью, происходящее сумасшествие оказалось не сном.

Я быстро набрала телефонный номер подруги и услышала в ответ долгие гудки. Деловитая Танька, как мне казалось, могла бы спасти мир от надвигающейся экологической катастрофы или же летящей на планету кометы, если бы сжалилась над всеми и направила свою неугасимую энергию в мирных целях.

Когда надежда почти покинула меня, в трубке отозвался сонный хриплый голос:

- Але?

- Танька! - горячо зашептала я, искренне веря, что Екатерина Авдотьевна не подглядывает сейчас в дверной глазок, ожидая развития драмы.

- Женька, ты, что ли? - раздраженно узнала меня подруга. - Тебе чего не спится?! Господи, сейчас еще и шести нет!

- Тань... - жалобно отозвалась я, делая глубокую затяжку сигаретным дымом.

- Женька, если тебя мучает похмелье, то выпей две таблетки цитрамона и ложись спать! - отрезала та, собираясь отключить вызов.

- Таня, да послушай меня! У меня в кровати мужик!

После долгой паузы недовольный голос вкрадчиво отозвался:

- Поздравляю! Наконец-то ты стала настоящей женщиной! Если решила поделиться впечатлениями о первой ночи, то подожди до обеда, когда я выплюсь! Чего и тебе желаю!

- Таня, я не знаю его!

- Отлично, если не помнишь имя мужика, с которым засыпала, то вечеринка прошла удачно. По статистике, шестьдесят процентов девушек теряют невинность на пьяную голову. Молодец, ты как раз попала в эти шестьдесят! Спокойной ночи! - проворчала Татьяна.

- Да стой ты! - Я едва не плакала, пытаюсь подобрать нужные слова. - В том-то все и дело: засыпала-то я одна, а проснулась уже с ним!

- Же-э-энька, - протянула подруга, - говорила же тебе, что ты выпивать не умеешь... Мой тебе совет: если хочешь вспомнить имя, то найди его паспорт и посмотри. Паспорт - это такая маленькая красная книжечка с гербом. Именно такую ты потеряла в прошлом месяце. Кстати, глянь, женат этот мужик или нет.

- Зачем? - не поняла я.

- Чтобы перспективы просчитать.

- Таня, - плюнула я, - ты дура! Ты не слышишь, что я говорю?! Я засыпала одна! Проснулась, а он уже рядом лежит! И умирает!

- Что значит умирает?! - насторожилась подруга, мгновенно трезвея.

- То и значит! У него на боку вот такая огромная рана... - Я махнула рукой, будто Татьяна могла видеть размеры ранения.

- Женя, ты чего его ножом пырнула, защищаясь?! Так он тебя того?! - вскричала та в ужасе.

- Господи, да нет же! Он лежал уже раненый! Я выскочила от страха в подъезд...

- Соколовская, ты милицию вызывала? - строго уточнила подруга, перебивая мой лепет.

- Да! Но ты представляешь, мы в комнату заходим, а там как будто мы с этим... - Я подавилась дымом и закашлялась. - Веселились всю ночь! - Голос мой зазвенел от слез. - Танька, мне так страшно! Он появился ниоткуда и сейчас помрет в моей квартире, что я в суде говорить буду?! Что мама с папой подумают?!

- Слушай, Жень, ты чего, его серьезно ранила?

Похоже, достучаться до сознания Татьяны оказалось делом таким же нереальным, как ходить по высоковольтным проводам в сорока метрах от земли. Наш разговор походил на беседу глухонемого со слепым.

- Ты где сейчас? - снова спросила она.

- В подъезде сижу, его закрыла. Одного.

– В квартиру без меня не суйся! Еду! – заявила та.

– И аптечку прихвати! – крикнула я в трубку, откуда уже раздавались короткие гудки.

Огонек истлевшей сигареты обжег пальцы. Выбросив окурок, я прикурила снова. Подруга появилась минут через сорок, когда в подъезде уже вовсю весело гудел лифт, выпроваживая жильцов дома на работу. Высокая, стройная, с модной стрижкой и в беспечно короткой юбке, моя подруга мало походила на спасительницу. По сравнению со мной, растрепанной и опухшей от слез, выглядела она свежей и ухоженной, только аккуратно замазанные тональным кремом синяки под глазами выдавали секрет о вчерашнем веселом девичнике. Знала бы я, чем он закончится, в жизни бы не потащилась в ночной клуб, а сидела дома с какой-нибудь книжечкой или на худой конец посмотрела бы индийский фильм по телевизору.

– Господи, ты и накраситься успела! – буркнула я, прилизав нечесанные волосы рукой.

Мое замечание Танька пропустила мимо ушей.

– Где он?

– Да в квартире!

– Открывай, – скомандовала она.

– Слушай, Тань, – я схватила ее за рукав модного плаща, – давай лучше туда не пойдем! Мне страшно!

– Ты же сама говоришь, что он умирает! Пойдем хоть посмотрим. – Она отодрала мои пальцы, судорожно сжимавшие ее плащ. – Я же врач! Раз уж тебе милиция не помогла, так, может, оживить его сумеем? Тогда тебя не засудят. – Звучало не слишком обнадеживающе.

– Ты же ветеринар!

– Да, – с достоинством кивнула подруга, – и давно научилась скручивать паршивых собак. Открывай дверь, я с собой газовый баллончик взяла.

Я отперла замок, и мы обе воровато заглянули в темную прихожую. Стул по-прежнему подпирал дверь спальни, не сдвинувшись за время моего отсутствия ни на миллиметр. Выставив вперед маленький оранжевый баллончик с перцовым газом, подруга с воинственно сведенными бровями вошла в квартиру.

Но маньяк как-то не торопился накидываться на нас, чтобы вытащить награбленное добро.

Из добра у меня имелся ноутбук, мобильный телефон, десять тысяч рублей, спрятанные на черный день в верхнем ящике комода, и золотая кредитная карточка в пустом кошельке.

Подруга решительно отодвинула стул и крадучись вошла в комнату. Я мелкими шажками следовала за ней, умирая от страха. Неожиданно Таня встала, опустив баллончик, что мне пришлось уткнуться в ее спину. Подруга была выше меня на голову, к тому же носила высокие шпильки.

– Женя, – тихо произнесла Таня, подбоченившись, – у меня нет слов.

– Да? – Я выглянула из-за ее спины.

Мужчина на моей постели делал вид, что безмятежно дрых, кажется, даже похрапывал. Спальня опять предстала в прежнем фривольном облике, с разбросанными мужскими вещами, только бутылка теперь стояла с коньяком известной марки, а не с виски.

– Так... – Татьяна быстро вышла в коридорчик и, споткнувшись о мои туфли, сморщилась. – Соколовская, я тебе как врач...

– Ветеринар, – рассеянно поправила я.

– Как врач животных заявляю – тебе просто необходимо показаться психиатру. Проспишься – позвони!

Она с такой силой сердито хлопнула дверью, что я испуганно моргнула, а на стене сиротливо тренькнул ночник.

Похоже, спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Из кухонного ящика я вытащила совершенно тупой нож для резки овощей и крадучись прошла в комнату. У мужчины на постели началась агония. Не замечая меня, незнакомец, словно в бреду, стал стаскивать рубаху, мокрую от крови. От боли и напряжения на лбу выступили капельки пота.

Я почувствовала, как меня снова замутило. Руки похолодели, а выставленный вперед нож затрясся. Мужчина никак не мог справиться с рукавом и застонал. Выбившись из сил, незнакомец откинулся на подушку, сдаваясь.

– Помоги мне, – простонал он, обращаясь будто в пустоту, потом глянул на меня полными безнадежной мольбы черными глазами. Губы еле зашевелились: – Выброси нож, а то поранишься.

Он снова отключился, резко, как будто села батарейка.

– Боже мой! – Я нерешительно смотрела то на красавчика, то на нож в своей руке.

А потом меня словно подбросило. Швырнув на журнальный столик смехотворное оружие, которым даже палец не могла порезать во время готовки, я кинулась к умирающему. Снять с него рубаху получилось легко – незнакомец походил на тряпичную куклу. Ботинки с грохотом упали на пол, туда же полетели брюки. Теперь мужчина лежал почти обнаженный и выглядел хуже некуда.

Я лихорадочно вспоминала уроки первой медицинской помощи, что нам читали на курсах вождения, но в них ничего не упоминалось об открытых ранах. От страха слезились глаза. Если ничего не предпринимать, то красавчик действительно умрет от потери крови! Яркие нарисовавшиеся перспективы заставили действовать с удвоенной скоростью.

Руки чесались позвонить Таньке и спросить, как дезинфицировать раны, но подруга, похоже, рассердилась не на шутку. Неожиданно в голову пришла гениальная в своей простоте идея о йоде. Вскочив с кровати, я метнулась на кухню. В скудной аптечке обнаружилось: пара таблеток анальгина и пузатая

баночка с зеленкой. Чувствуя себя настоящей сестрой милосердия, трясущейся рукой я намочила ватку в изумрудной жидкости, тут же пролив несколько капель себе на футболку, и уже собиралась хорошенько смазать красавчику рану, как он пришел в себя.

- Что? Ты? Делаешь? – едва слышно пробормотал он, отодвигаясь, как от раскаленного клейма.

- Жизнь тебе спасаю! – деловито заявила я, подбираясь к нему.

- Только не это! – прошептал он, полный ужаса.

- Предлагаешь оставить тебя помирать в моем доме? – Я закусила губу и почти дотянулась до раны ваткой. – Ну уж нет! Вот сейчас, зайка, зеленкой помажем, а потом «неотложку» вызовем!

- Только не этой гадостью! – сморщился он и резко добавил, приказывая: – Просто принеси воды и добавь в нее сахара. Вода поможет. Все силы ведь вытянули...

Я побоялась послушаться, оторопев, и, вернувшись на кухню, быстро включила электрический чайник. Так и не дождавшись, пока он закипит, налила немного едва теплой воды в тарелку, высыпала туда всю сахарницу и, подхватив полотенце, вернулась в спальню.

Мужчина, сжав зубы, лежал и, кажется, старался не дышать. Красивое лицо исказила гримаса нечеловеческой боли.

- Ведь даже не задумалась... – пробормотал он, разглядывая рану со странными обожженными краями.

Он слегка тронул ее, глянул на испачканный в крови палец, и у меня поплыло перед глазами.

- Я воды принесла, – пролепетала я, едва держась на ногах.

Кажется, мужчина только заметил мое присутствие и кивнул, протянув трясущуюся от слабости руку.

– Давай полотенце. Я сам. – В каждом слове читался приказ и глухое раздражение.

Сглотнув, я быстро смочила тряпицу, отжала и отдала незнакомцу. Зашипев, вероятно, от боли, он приложил полотенце, на котором моментально проявилось ярко-алое пятно.

Комната сделала головокружительное па у меня перед глазами, и я свалилась в обморок. Последнее, что помнилось, это грохот разбитой тарелки...

– Эй, ты! – Кто-то бесцеремонно, не жалея, хлопал меня по щекам.

Я едва приоткрыла глаза и увидела прекрасное лицо с черными демоническими глазами.

– Спасительница, приходи в себя!

– Ты что? уже выздоровел? – только и смогла пролепетать я, впиваясь взглядом в рану на боку.

Та покрылась некрасивой корочкой свернувшейся крови.

– Не смешно. С кровати сполз, чтобы спасти тебя, спасительница, – хмуро отозвался он, улегшись рядом со мной на полу.

Мужчина был худощав, но на гладком теле проступали твердые мускулы. Просто невероятно, как такой красавец мог быть обычным вором!

– У нас вода, что ли, живая? – пытаюсь заглушить в себе панический страх, пробормотала я.

– В вашем мире вся вода мертвая, – отозвался он туманно.

Черт знает что! Лежу на полу собственной квартиры среди осколков тарелки, в луже сладкой воды и в компании маньяка, на котором раны заживают, как на собаке. Танька бы порадовалась. Собаки как раз из сферы ее профессиональных интересов.

- Ты встать сможешь? – спросил он каким-то будничным тоном.

- А ты? – отозвалась я.

- Если поднапрячься... – Он неловко сел, схватившись за край кровати, а потом невероятно легким движением перекатился на спину и выдохнул, блаженно прикрыв синеватые веки.

- Отлично. – Я поднялась; ноги тряслись, руки тоже. – Если ты уже можешь двигаться, то выметайся из моей квартиры! Будь уверен – компьютер стащишь только через мой труп!

- Ты дура, – произнес он как неоспоримый факт, не открывая глаз.

От подобного хамства я опешила.

- Я сейчас вызову милицию! – пригрозила я и покосилась на нож, оставленный на журнальном столике.

- Уже вызывала, – ухмыльнулся мужчина. – Хочешь еще раз попробовать? – Он глянул на меня через полуопущенные ресницы.

- Да кто ты такой?! – от бессилия взорвалась я. Похоже, странный тип собирался провести весь день в моей постели и восвояси убираться не торопился.

- Я вампир, – усмехнулся он.

- Чего?

Я быстро сгрэбла его вещи с пола и швырнула нахалу в лицо:

– Одевайся и исчезай так же, как появился! Вампир хренов! И дверь за собой не забудь закрыть! – напоследок проорала я, прежде чем выскочить на кухню и запереться на щеколду.

Только чем может помочь замок, если дверь все равно стеклянная? Нервно прикурив, я ждала, когда неожиданный гость выберется в коридор, и зорко следила, чтобы он не прихватил с собой ноутбук, но вор как-то не торопился. Кажется, прошло минут двадцать и истлели две сигареты, а мужчина так и не появился. Сдавшись, я крадучись выбралась в коридор и осторожно заглянула в комнату. Маньяк сладко спал, и во сне его лицо казалось расслабленным и совершенным.

Ия

В высокие окна коридора в здании конторы хранителей заглядывали утренние сумерки. Серые облака затянули небо, накрапывал дождь, и капли слезами стекали по стеклам.

Первая параллель – мир – вершина мироздания, такой похожий на своего параллельного близнеца и такой отличный от него. Мир, где технологии соединились с великим знанием об энергетических волнах. Дождливый зеленый дом, поделенный на островки Городов. Ия всей душой любила его, и сейчас она чувствовала, что ее могут выкинуть в нежилую зону лесов, куда отправляли всех преступников. Там не было ни одного энергетического хранилища. Осознание того, что она подорвала доверие хранителей и не оправдала собственных надежд, охватывало ее душу черным панцирем отчаяния.

Девушка сидела в коридоре, сиротливо спрятав ноги под стул. Напротив в одной позе застыл хмурый охранник и разглядывал ее презрительным взглядом. Его посадили следить за ней, наверное, чтобы она не убежала.

Всю свою жизнь Ия мечтала стать хранителем. Вступить в один строй с отцом и братом, помогать людям, ловить преступников, отвернувшихся от света в тень. Разве два месяца назад могла Ия, окончившая учебу с красным дипломом, представить, что будет сидеть перед кабинетом Главного и ждать приговора?

Девушка провела здесь всю ночь, но от страха спать все равно не хотелось, хотя и горели воспаленные глаза. Плотная закрытая деревянная дверь, выкрашенная в белый цвет, казалась непреодолимой преградой между Ией и ее уходящей мечтой. Неожиданно она увидела, как повернулась ручка, а потом на пороге появился руководитель ее отдела – Анатолий. Всего восемь коротких недель назад на выпускном вечере в Академии он с радостью пожимал ей руку. Сейчас он выглядел сильно помятым и расстроенным. Его опрятное круглое лицо делала гораздо старше борода клинышком. На широкой груди Анатолия висел крупный медальон ловца энергии с хрусталиком посередине, такой скорее подходил какой-нибудь престарелой кокетке, чем руководителю отдела.

– Анатолий! – Ия порывисто вскочила со стула и почти кинулась к мужчине. Сердце стучало как сумасшедшее, а от нервного напряжения перед глазами потемнело.

– Ия, – мужчина оставался серьезным, озабоченно сведя брови, – проходи, мы хотим задать тебе несколько вопросов.

Девушка в нерешительности посмотрела на дверь и прошла мимо мужчины, застыв у порога.

Кабинет Главного, которого за глаза вся контора хранителей называла Папаша, выглядел более чем скромно. Огромный стол, заваленный бумагами, к нему приставлен другой, поменьше – для посетителей. У стены громоздился обычный канцелярский шкаф с открывающимися дверцами, подоткнутыми сложенными газетными листочками. Пожалуй, общие рабочие кабинеты здания смотрелись намного приличнее – с современными перегородками между столами, красивыми лампами, тонкими стоечками с документами и личными делами.

В ярком свете, струившемся от старой хрустальной люстры, Главный казался уставшим сердитым стариком в измятом поношенном костюме. На лице его как-то сильно выделялись мелкие морщинки, пока он хмуро изучал какую-то бумагу. В кабинете царила грозная взрывоопасная тишина.

– Прходи! – Анатолий подтолкнул девушку в спину, и она сделала еще один нерешительный шаг.

Теперь Ия смогла увидеть в кабинете еще одного человека: на старом кожаном диване, скрестив руки на груди, сидел мужчина в синем свитере с высоким горлом, кожаных брюках и пыльных ботинках на толстой подошве. Его длинные светлые волосы, зачесанные назад, были собраны в хвост. Прозрачно-голубые глаза незнакомца окатили девушку холодным любопытством – Ия непроизвольно поежилась.

– Анатоль, это была твоя идея сделать курьером сопливую девчонку? – хмыкнул он, изогнув светлые брови.

– Феликс – голос начальника Ии наполнился желчью, похоже, мужчины терпели друг друга в одной комнате по единственной причине – эта комната являлась кабинетом Главного, – если ты забыл, то позволю напомнить, что эта девочка везла на себе магнит двое суток и выжила. Твои ребята, как известно, сгорели уже через пару часов. Посмотри, она светится добром, курьер должен быть именно таким.

У Ии подкатил к горлу тошнотворный ком. Выходит, тот секрет, что она перевозила на себе, мог ее умертвить?! «Наполнена добром!» – Да, именно так называлось ее стремление к справедливости, но сейчас девушка почувствовала себя обманутой. От волнения захотелось плакать.

– Не выдумывай, Анатоль, – тихо фыркнул мужчина, названный Феликсом, – она осталась цела только потому, что не знала предназначения груза и не совала нос куда не следует. Обычно молодых убивает любопытство. Кстати, как ты сумел запудрить ей мозги? – Он размял шею, хрустя позвонками.

– Феликс, хватит! – резко прервал его Главный, поднимая взгляд от листа, который изучал. – Сейчас ваши перепалки меня не веселят, а раздражают! Ия, – он обратился к притихшей девушке, – расскажи нам, что произошло. Мы должны знать подробности, чтобы понять, кто напал на кортеж.

Девушка быстро облизнула губы и, набрав побольше воздуха в легкие, произнесла:

– Я вам и так могу сказать, кто напал... – Она запнулась, и словно в насмешку в голове всплыло воспоминание о сладком бархатном голосе: «У меня просто не в том месте и не в то время сломалась машина».

Она ненавидела ложь! Но ведь ее ложь была во спасение...

- Действительно? - Главный уже с возрастающим интересом посмотрел на девушку.

- Да, - кивнула она, нервно заправив за ухо прядь светлых волос, - я узнала этого человека. Это был Люкка Романов, и я думаю, сейчас он уже мертв.

Та страшная пауза, последовавшая после ее едва слышного признания, давила на уши. Мужчины переглянулись. Феликс даже наклонился к Ии, словно надеялся проникнуть к ней в голову.

- Откуда ты знаешь, что это был именно Люкка? - сквозь зубы спросил он, впившись взглядом в бледное осунувшееся лицо девушки.

- Я узнала его, - ответила она таким же сухим тоном. - Его сложно не узнать, если вы понимаете, о чем я говорю.

- Почему ты думаешь, что он мертв? - не отставал мужчина, сморщившись при воспоминании об ангельской красоте подонка.

- Я думала, что вам уже рассказали, - холодно пожала она плечами. Мужчина ей совсем не нравился и вызывал чувство глухого недовольства. - Я в упор ударила его призмой. После этого он ускользнул в Индустриал.

- Магнит? Мешочек, что ты везла, где он?! - последовал резкий вопрос светловолосого.

- Он, - Ия замялась, - он сорвал его с моей шеи...

Наверное, больше минуты находившиеся в комнате мужчины молчали. Главный сложил блестящие губы в трубочку и забарабанил пальцами по крышке стола.

- Стоит признать, ситуация аховая, - вздохнул он в конце концов. - У нас нет ни маятника, ни магнита, а времени остается совсем мало. - Неожиданно он обратился к Ии: - Суда нам теперь не миновать, приставы начнут копать, кто

посмел нарушить закон. Ия, ты же понимаешь, что Судьям не стоит знать все подробности сегодняшнего инцидента.

Девушка неожиданно покраснела и кивнула, не уверенная, что правильно понимает старика.

- Тем более что единственный свидетель, который может опровергнуть твои слова, возможно, мертв.

- Вы сами верите в его смерть? - хмыкнул Феликс, снова откидываясь на подушки дивана.

- Неважно, во что верим мы. - Главный внимательно посмотрела на Ию, и у той свело в судороге живот. - Сейчас важно лишь то, во что будет верить Ия.

Та кивнула.

- Можешь отдыхать, Ия, - кивнул Главный.

И она быстро попятилась к выходу, споткнувшись о невысокий порожек. Не давая ей упасть, Анатолий подхватил девушку под локоть и распахнул дверь.

- Я свяжусь с тобой. Не переживай, все будет хорошо, - пробормотал он ей в макушку.

Ия в сопровождении охранника отбыла домой, но мужчины остались в светлом кабинете, и сейчас они молча поглядывали друг на друга.

Главный сказал резко и громко, разбив напряженную паузу:

- Анатолий, что у нас с маятником?

Светловолосый Феликс перестал разглядывать портрет на стене и повернулся к своему оппоненту.

– Еще ищем, Альберт, – с запинкой произнес Анатолий, назвав Главного по имени, и даже затрясся. – Вы же понимаете, он чувствует любое проявление агрессии. Парнишка уходит из очередного убежища за минуту до нашего появления. Мне кажется, за вчерашний день мы облазили все притоны города, и мы следим за всеми подпольными пунктами подзарядки.

– Так облазьте еще раз, пока он не улизнул!!! – неожиданно заорал старик. Феликс только хмыкнул, а Анатолий вжал голову в плечи.

– Не улизнет, – уверенно покачал головой Феликс. – У него очень важная причина оставаться в городе.

– Какая же? – буркнул Альберт.

– Его способности забирают слишком много энергии, он может выжить только здесь, рядом с энергетическими резервуарами.

– Он очень странный молодой человек, – подтвердил Анатолий.

– Он маятник, – пожал плечами Феликс, а потом добавил: – Надеюсь, что этот ублюдок Люкка действительно сдох где-нибудь в Индустриале и не сможет заинтересоваться всем этим делом. Как я понял, Анатолий, твои ребята вели себя как последние олухи, напав на него.

– Главное, чтобы девчонка забыла об этом, – буркнул недовольный мужчина.

– А ведь магнит остался у Романова, – устало проговорил Альберт, потирая переносицу.

– Мы можем сделать новый, – безразлично пожал плечами Феликс.

– Безусловно, можем, но сейчас время – наш главный враг. Боюсь, если Люкка пропадет во второй параллели, то нам придется разобрать ее по кирпичикам, чтобы найти стрелку. Анатолий, дай задание лаборатории, чтобы они изучили следы. Нам нужно знать, куда он ускользнул.

– На это уйдет пара дней... – оправдывался Анатолий.

- Так пусть они приступают прямо сейчас! - рявкнул Альберт, теряя терпение.

На губах Феликса зазмеилась неприятная улыбка.

Евгения

- Привет! - весенней пташкой прощебетала Танька. - Твой рыцарь уже ушел?

- Пока нет, - хмуро отозвалась я, поглядывая из кухни на пустой темный коридор.

- Ты что, его наручниками приковала, чтобы не сбежал? - удивилась подруга.

- Он спит.

От мрачного настроения ответы получались односложными, хотя оно и не мудрено - целый день, как партизан, я провела на кухне, попеременно впадая то в панику, то в гнев. Разбила пару кружек, докурила все сигареты и даже бычки до фильтра, съела батон хлеба и выпила банку растворимого кофе, отчаянно стараясь не сойти с ума.

- Ты его так уморила? - Таня, кажется, была настроена на юмор.

Я промычала в телефон нечто нечленораздельное и сморщилась, готовая разреветься от собственного бессилия.

День клонился к вечеру, через открытое окно в кухню падали оранжевые лучи. Небо готовилось к осени и уже выглядело чуть сероватым, растеряв былую яркость и сочность. Под окном через открытую форточку с шоссе неслись визгливые сигналы застывших в пробке автомобилей. Мой гость превратил меня в заложницу в моем собственном жилище.

- Я решила сжалиться над тобой, - продолжала Танька радостно, - и позволить рассказать, как все было.

– Что было? – Перед глазами так и встала картина зияющей раны и пропитанного кровью кухонного полотенца.

– Где ты его подцепила? Мы же тебя до дома довезли...

Неожиданно из комнаты раздался нечеловеческий вопль. Я подскочила на расшатанной табуретке и чуть не рухнула на пол, хорошенько ударившись локтем об угол стола. Руку до самого плеча пронзила острая боль.

– Господи, кто там у тебя так воет? – изумилась Танька, прислушиваясь. – Ты чего, и правда его связала? Да? Женька, ты с ума сошла...

– Я тебе перезвоню! – перебив ее, я тут же отключилась и с опаской выбралась из кухни.

Мужчина метался по кровати и стонал во сне, сведя у переносицы черные брови, его красивое лицо было скорчено в гримасу. Через мгновение он снова закричал и выгнулся дугой.

– Эй! – позвала я, от испуга сильно сжав дверную ручку. Но незнакомец никак не реагировал, продолжая сражаться с невидимыми монстрами, пришедшими в беспамятстве.

– Эй, как тебя там? – Я подошла и осторожно потрепала мужчину за плечо, стараясь разбудить.

Его движение было почти незаметным. Через мгновение я лежала на кровати, холодная ладонь незнакомца прижималась к солнечному сплетению, черные глаза смотрели в мои, расширенные от испуга. Ледяной озноб сковал тело, сердце вдруг забарабанило бешеную дробь, кровь застучала в висках. Слабость накатила резко и в одно мгновение, грудь отказывалась набирать кислород, а потом накрыл всепоглощающий ужас...

Все кончилось так же быстро, как и началось. Видимо, сумасшедший убрал руку – легкие со свистом втянули воздух, и я закашлялась.

– Эй, спасительница! – Он снова бесцеремонно похлопал меня по щекам. – Ты как?

Я приоткрыла глаза, увидела лицо, выражавшее притворное сожаление, и неожиданно даже для себя отпрянула от него как от прокаженного, свалившись на пол.

– Не ушиблась? – заботливо поинтересовался незнакомец, когда я, скользя голыми пятками по полу, пыталась подняться.

– Кто? Ты? Такой? – прошипела я, чувствуя в себе паническое желание убежать.

В свете вечернего грустного солнца, едва пробивающегося через занавески, его черты казались прекрасными, но глаза, черные и недобрые, пугали.

– Не ударилась? – без особого интереса спросил он и зарылся в подушку растрепанной головой, не дождавшись ответа.

Я стояла посреди комнаты, шумно дышала и от злости сжимала кулаки. Его одежда неряшливой кучей валялась у кровати. В бешенстве я сгребла ее в охапку и решительно направилась к входной двери. Кое-как справившись с замком, я вышвырнула шмотки на лестничную клетку и удовлетворенно отряхнула руки. Потом, стремительно вернувшись в комнату, с силой стянула с красавчика перепачканную бурой засохшей кровью простыню и, сгорая от гнева, ткнула пальцем в сторону коридора:

– Убирайся отсюда следом за своими вещами! Немедленно! Слышишь меня?!

– Принеси одежду обратно, – устало, словно расшалившемуся ребенку, посоветовал он, – я сегодня все равно отсюда не смогу уйти. Надо, чтобы рана окончательно затянулась.

– Что? – Я уставилась на него, неожиданно растеряв добрую долю яростного задора.

– Не переживай, спасительница, – он приподнялся на локтях и окатил меня презрительным взглядом, – я пересплю у тебя ночь, а когда приду в себя, то

исчезну. Мне не нужны твои жалкие десять тысяч и старый компьютер. – Он задумался. – Что у тебя там еще есть? Мобильный телефон? Выброси его, у него все равно батарейка через пару месяцев испортится.

– Да как ты?.. – Тут мне стало совсем плохо.

Он буравил меня раздраженным взглядом:

– Слушай, прикройся, что ли, а то у тебя ноги такие худые.

Я непроизвольно натянула футболку, которую так и не удосужилась переодеть.

– Я хочу убраться из твоей комнаты так же скоро, как и ты того желаешь, поэтому дай мне поспать. Только так я могу восстановиться.

После подобной отповеди я, смущенная и обиженная, вернулась на кухню. Этот нахал едва не убил меня и еще отчитал, как глупышку! Да кто он такой? Не вампир же на самом деле?!

Я прошлепала в подъезд и стыдливо подобрала вещи, чувствуя осуждающий взгляд через глазок в двери Екатерины Авдотьевны.

Или вампир?! От неожиданного открытия меня бросило в жар. Возвращаться в квартиру тут же расхотелось, но и крутиться на лестничной клетке, только привлекая внимание соседей, смысла не было. Тихонько прикрыв за собой дверь, я на всякий случай не стала запирасть замок.

Вампир...

Господи, а ведь этот тип действительно появился ниоткуда, словно упал с потолка! А эта ледяная ладонь на груди, он же фактически придушил меня! Батюшки, он ранен, а вдруг наша кровь смешалась, и я теперь тоже стану упырем?! Я стала разглядывать палец, накануне порезанный канцелярской бумагой, отчего-то подобные тонкие ранки всегда долго болели и плохо заживали. Едва заметная линия на подушечке вспухла. Да нет, чушь!

В голове лихорадочно проносились картинки из фильмов и сцены из книг. Что я знаю про вампиров? Что они светятся на солнце, у них ледяные руки, прекрасное лицо и черные мысли. В общем, незнакомец полностью подходил под это определение. Правда, на солнце он не светился и отчего-то не попытался меня укусить, чтобы испить сладкой девичьей кровушки и моментально излечиться. Он для чего-то попросил воды с сахаром.

На всякий случай я отыскала в ящике, где лежала картошка, чесночные головки, насаженные бабулей на веревочку, и нацепила их на шею как ожерелье. Боятся вампиры чеснока – не боятся, а подстраховаться можно. Потом подумала и, схватив солонку, изобразила дорожку у двери кухни, а следом – еще и на подоконнике, на тот случай, если мерзавец решит залететь в окно. В порыве вдохновения я отыскала в шкафчике тонкую свечку, провалявшуюся там пару лет после моей экскурсии в пригородный монастырь, и зажгла ее, сунув в рюмку.

Похоже, этой ночью спать мне не придется! Да разве ж я смогу заснуть, зная, что в соседней комнате приходит в себя настоящее мифическое чудовище?

Голова раскалывалась, словно в нее засунули тысячу гвоздей и хорошенько встряхнули. Радостный утренний свет резанул глаза, как ножом. Сморщившись, я сладко потянулась на кровати и резко села в ужасе. Как я оказалась в постели?! Воспоминания о вчерашнем дне вспыхнули ярким пятном, и меня затрясло. Простыня, которой кто-то бережно укрыл меня, светилась девственной белизной, но бусы из чесночных головок доказывали лучше любых слов, что случившийся бардак мне не приснился. Вскочив как ошпаренная, я кинулась к зеркалу, впиваясь взглядом в шею. Никаких следов от зубов вампира. Руки тоже оказались чистыми, с тонкими прожилками вен под бледной кожей с уже сошедшим после отдыха у моря загаром. Лицо, опухшее от сна, поражало мертвенной бледностью, и под глазами особенно ярко выделялись темные круги. Каштановые волосы торчали в разные стороны.

Вчерашнего незнакомца в комнате не было, и его вещи исчезли. Я перевела дух и слабо оперлась о крышку комода, заставленного фарфоровыми статуэтками балерин. Изящные хрупкие фигурки словно исполняли замысловатый танец, изгибаясь и вытягивая худенькие миниатюрные ножки.

Худые ноги... Я натянула футболку и воровато огляделась, боясь, что незнакомец снова материализуется из воздуха и начнет насмехаться. Тут до меня донесся шум включенного душа, и сердце замерло от испуга. Он никуда не делся! Он мылся в моей ванной! О боже!

Неожиданный резкий звонок в дверь в столь напряженный от переживаний момент заставил меня подпрыгнуть на месте. Я решительно не стала его замечать, но гости в подъезде так просто сдаваться не собирались, и звонок продолжал истерично визжать. Заглянув в глазок входной двери, я почувствовала, как внутренности скрутились жгутом. На меня смотрели аккуратно подведенные глаза моей мамы, странно искаженные и надломленные.

– Женечка, – словно услышав шуршание в квартире, позвала она, – это мы с папой.

Она еще и с папой! Превосходно, просто превосходно!

Я сглотнула и обреченно покосилась на закрытую дверь ванной комнаты, где лилась вода. Такое могло случиться только в дурацком сериале!

Не то чтобы я боялась родителей, но они являлись практически неиссякаемой кредитной картой, на деньги которой я прекрасно существовала. Окончив литературный институт год назад, я решительно отвергла предложение отца, известного литературного критика, начать карьеру с серьезной газеты и пожелала написать собственный роман. Я даже уже поэтичное название ему придумала: «Ускользящий мир», но как-то все не складывалось. В романе пока не было ни единой строчки. Оказалось, что ежедневное сидение перед компьютером – трудная задача, когда вокруг бурлит ночная жизнь, а по телевизору круглые сутки показывают очень романтичные сериалы.

– Женечка, ну открой же, это мы! – Мама раздраженно вдавила кнопку, извлекая из звонка хриловатое дребезжание.

Пришлось смириться с судьбой и отпереть замок. Оставалась только слабая надежда, что родители уберутся восвояси прежде, чем мой гость пожелает вылезти из ванной.

– Женечка! – Мама засияла картинной улыбкой и поцеловала идеально накрашенными губами воздух у моей щеки.

Когда-то она действительно играла на сцене коротенькие роли служанок и горничных. Там ее встретил папаша, уже к тому времени известный литературный деятель, рецензии которого с замиранием сердца ждала вся пишущая советская молодежь. Увидев мамашу, очередной раз произносящую: «Стол накрыт для чая, господа!», он влюбился как мальчишка. Собственно, в тот же вечер, получив огромный букет алых роз и записку «Самой прекрасной женщине», мама бесповоротно решила, что роль жены известного критика ей больше к лицу, чем третьесортной актрисы. Она очень любила повторять, картинно прикладывая руку к накачанному ботоксом лбу: «Ради Олежки я оставила сцену!» Двадцать два года назад на свет появилась я и все детство провела на бесконечных литературных посиделках и поэтических чтениях в нашей огромной квартире в центре города.

– Женечка, – щебетала мама, – ты выглядишь отвратительно! Похудела еще сильнее!

На своих шпильках она возвышалась надо мной на добрую голову. Неловко оступившись, она споткнулась о мои по-прежнему валявшиеся посреди прихожей туфли и поморщилась.

– Вы чего так рано? Я думала, вы вернетесь только завтра, – промямлила я, быстро засовывая обувь подальше в угол.

Меня трясло от страха, ведь вода в душе стихла.

– Мы только с самолета – и сразу к любимой дочурке! – улыбнулась мама и томно оглядела себя в зеркале, поправляя чуть выбившуюся, окрашенную в идеальный платиновый цвет прядку волос. – Твоему отцу стало плохо на африканском солнце.

Лучше бы они сразу направились к любимой бабуле или к обожаемой тетушке!

Звук открывающейся защелки на двери ванной заставил мои волосы зашевелиться на затылке. Они появились в прихожей одновременно: запыхавшийся низенький папаша в мятом костюме, круглый и тяжелый, с таким

же круглым и тяжелым арбузом в руках, и мой гость с мокрыми всклокоченными волосами, наряженный лишь в полотенце на бедрах. От вчерашней раны не осталось и следа, даже крохотного шрама или рубца.

Пауза была достойна шекспировской драмы.

Неожиданно я почувствовала, как к горлу подкатывает идиотский смех, который с каждым мгновением все труднее удавалось сдерживать. Мамаша смотрела на высокого идеально красивого мужчину широко открытыми изумленными глазами, на омертвевшем от ботокса лбу даже прорезались морщины. Папаша в немом шоке открыл рот, все сильнее прижимая к себе арбуз.

Почти обнаженный нахал чарующе улыбнулся и представился бархатным вкрадчивым голосом, от которого, подозреваю, у мамаша сладко сжалось сердце:

– Люкка.

Мама выразительно моргнула, папа захлопнул рот. Я нервно хихикнула и опустила голову, дабы не демонстрировать широкую глупую улыбку.

– Маргарита Федоровна, – словно замороженная, проговорила мамаша, механически протягивая руку для дружеского пожатия.

Люкка галантно сжал ее наманикюренные пальчики.

– Олег Германович, – ответила за отца мама и вдруг шустро затараторила: – Ты знаешь, Женечка, пожалуй, мы зайдем в следующий раз. Не забудь, что завтра у нас будет ужин! Не забудь! Пойдем, Олежек, нам пора.

Я кусала губы, чтобы не захохотать в истерике. Мама выхватила из рук папы арбуз, но едва не уронила его на пол. Люкка легко подхватил тяжелую ношу и снова изогнул губы в довольной ухмылке.

– Было приятно познакомиться, – вежливо произнес он. – Ваша дочь – просто прелесть. Теперь я понимаю, в кого она такая красавица. – Он лукаво блеснул глазами в мою сторону.

– Да, да... – рассеянно подтвердила мама, выпихивая отца в подъезд, а потом окатила меня таким взглядом, что даже деревяшку бросило бы в холодный пот, и с расстановкой произнесла: – Я тебе сегодня позвоню, Женечка.

Стало ясно, что разговор получится долгим и сложным. Главное, чтобы не отказали в дальнейшем содержании.

Когда за ними закрылась дверь, я почувствовала, как на глаза навернулись злые слезы. Резко развернувшись на пятках, я кинулась на кухню, где мужчина спокойно разглядывал внутренности пустого холодильника. Большой нелепый арбуз пузато и важно примостился посреди стола, накрытого желтой скатертью.

– Значит, тебя зовут Люкка? – для чего-то пробормотала я сквозь зубы, уперев руки в бока.

– Ты для чего всю кухню солью засыпала? – Он поднял голову, изогнув черную бровь, и понюхал баночку с открытым две недели назад йогуртом. Сморщившись, Люкка выкинул ее в помойное ведро, спрятанное в шкафчике под раковиной.

Он так по-хозяйски вел себя на моей кухне, что я сжала зубы.

– И чеснок на шею повесила? – продолжал измываться наглец.

Он разочарованно хлопнул дверцей холодильника и поправил криво висящий магнетик. Я резко сдернула ожерелье из чесночных головок.

– Теперь понятно, почему ты такая худая. Лучшие друзья девушки – это свежий воздух и любовь, а не сигареты и кофе.

Тут меня прорвало:

– Послушай, ты! Люкка! – Я ткнула в него трясущимся пальцем.

Мужчина прислонился к подоконнику и скрестил руки на груди, всем своим видом обратившись в слух. Ситуация становилась все нелепее, ведь он стоял почти голый, а я, красная и растрепанная, в перепачканной кровью растянутой

футболке, беззвучно открывала рот, как глухонемая.

– Ну коль уж мы провели ночь в одной постели, можешь называть меня Люк, – милостиво позволил он. Похоже, все происходящее его по-настоящему забавляло.

– Вон из моей квартиры! – тихо произнесла я.

Веко на правом глазу нервно подергивалось.

– Не знаю, кто ты там, вампир ли, оборотень, или просто завравшийся нахал, но немедленно выметайся!

– Да я уже собирался, – пожал он плечами. – Дашь какую-нибудь футболку, а то у меня рубаха в крови.

– Футболку тебе?! – Я перешла на крик. – Да как ты смеешь?! Господи, ты же слышал из ванной, что кто-то пришел?! Зачем ты появился?! Ну кто тебя просил?! Коль уж забрался в мою квартиру, так сидел бы тихо, как мышка! Так ведь нет – нарисовался гуашью: смотрите, какой я прекрасный в набедренной повязке! Тарзан хренов! – Горло перехватило, и я закашлялась.

– У тебя истерика! – спокойно резюмировал он.

– Да, – заорала я как безумная, – я истеричка!!! Так что не зли меня и выметайся немедленно!

От бешенства перед глазами плыло. Не ведая, что творю, я попыталась схватить со стола арбуз, чтобы швырнуть его в негодяя, испоганившего за полтора коротких дня мне всю жизнь, но не рассчитала своих возможностей. Арбуз моментально шлепнулся на пол – я едва успела отскочить – и разбился, забрызгав кухню красной липкой мякотью. И тут я заревела. Опустилась на табуретку и, всхлипывая, стала размазывать по лицу слезы.

– Ну как я теперь им все объясню? Они же посадят меня на голодный паек и машину отберут, еще и домой вернут в придачу! – Я завывала. – Ненавижу все это! Ну как ты мог попасться им на глаза? Господи, зачем ты вообще появился?

Он постоял мгновение и бесшумно вышел из кухни, кажется, раздраженно сморщившись. Буквально через минуту я, задышавшаяся от рыданий, увидела его высокую, одетую во вчерашнюю белую сорочку фигуру, открывавшую входную дверь.

Когда он исчез, слезы покатались еще сильнее, словно внутри сорвало какую-то заслонку. Не знаю, что за чувства боролись во мне – облегчение или разочарование, что идеально красивый Люкка послушался и все-таки ушел.

Люкка

Лифт многоэтажного дома, где он провел пару дней, восстанавливаясь и оживая, нес его на первый этаж, недовольно, по-стариковски гудя. Ловец на запястье Люкки, наполненный энергией, переливался красным. Индустриальный мир, куда его вытолкнул прыжок, конечно, отсталый, но зато энергию в нем можно было черпать ложкой. В первой параллели любая свободная капля вылавливалась и бережно пряталась в ловцы.

Идеально очерченные губы мужчины сложились в кривую усмешку. Он вытащил из кармана мешочек, сорванный с шеи Ии, и открыл его. На ладонь выпала отшлифованная деревянная стрелочка. Неожиданно она крутанулась вокруг своей оси и повисла в воздухе, вертясь как волчок. Люкка поймал стрелку, глянув на свет.

Из-за этого предмета хранители перешагнули через все законы, за которые сами и цеплялись. Когда они увидели его автомобиль (тут Люкка недовольно сморщился: совсем новая спортивная машина с мощным волновым движком нравилась ему сильно), и повели себя как безумные. Эта девочка Ия вызывала настоящее восхищение. Но она слишком глупа, чтобы понять: геройству нет места там, где на кон поставлена жизнь – жемчужина, бесценное сокровище.

Он бы мог прикончить их всех, быстро, но подвело любопытство. В злости он действительно жаждал забрать их жизни, но пожалел, заставил себя сдержаться.

Люк усмехнулся еще шире, спрятав стрелку в мешочек.

Кто же знал, что светловолосый ангел Ия подло ударит его в живот, вывернувшись, как змея.

Это было бы забавно, если бы не было так больно! Красивое лицо Люка превратилось в холодную маску. Безумцы! Открыто нарушить закон! В этом есть непонятный скрытый шарм, но это не значит, что когда он вернется в первую параллель, то не раздавит напавших на него хранителей. Всех. По очереди.

Он от всей души надеялся, что Семья еще не успела устроить по нему поминки. Люк прекрасно помнил, как Рада, жена Оскара, Главы Семьи, три раза устраивала прощание с «вновь погибшим» паскудой Петром, и каждый раз бедолага возвращался в особняк в разгар веселья. Напивался со всеми и не понимал, по какому поводу скорбит Семья.

Люкка засунул руки в карманы. От хорошего настроения не осталось и следа. Голова гудела. Что за неудачная неделя!

Еще эта девчонка, дверь в квартиру которой единственная оказалась нараспашку, надоела, как зубная боль. Худосочная нервная мышка с мужским именем Евгения. Люк ненавидел невзрачных истеричных особ. Хотя, несмотря на сущий ад, в который она превратила его восстановление, возможно, именно она спасла ему жизнь. С ума сойти, девушка Евгения действительно решила, что он вампир! Идиотка, начитавшаяся глупых фантастических романов. Он слышал, что в Индустриальном мире, где люди умели лишь вырабатывать энергию, но не поглощать, половина населения зачитывалась безумными историями о несуществующих чудовищах, а другая половина писала о них.

Наверное, здесь бы хранителей называли волшебниками, благородными и добрыми, следящими за порядком во всем их разделенном Городами мире.

От собственных мыслей Люкку скривило.

А как бы назвали его, превратившего свою способность дарить и отнимать жизнь в страшное оружие? Вероятно, ведуном, выбравшим черный путь. Звучало, по крайней мере, очень романтично.

Правда, нет никакой романтики в осознании, что хранители разнятся с ним лишь красивыми предложениями для подлых дел. Сущность-то одинаковая. Отличие лишь в том, что он, Люкка, не лгал ни себе, ни миру.

Наконец лифт остановился. Мужчина быстро спустился к выходу на улицу и нажал на кнопку кодового замка, тот неприятно запищал. Люк спокойно открыл дверь и сделал твердый шаг. Волосы обдуло ветром, желудок неприятно свело, и еще сильнее загудела голова.

...Остов его сгоревшего автомобиля убрали с дороги, и покореженные железные контуры очень удачно вписались в окружающий пейзаж. Накрапывал мелкий дождь, желтая умирающая трава, заваленная уже пожухлыми листьями, пропиталась осенней влагой. В его мире времена года были смещены относительно брата-близнеца. В первой параллели давно хозяйничала осень, в Индустриале она только-только давала о себе знать ночной прохладой. Он поежился от капель, попавших за шиворот и, осмотревшись, направился пешком к городу.

У Люка с детства легко получалось переходить из параллели в параллель. Возможно, потому что в его крови бурлило слишком много энергии и медальон-ловец он носил больше для отвода глаз. Многие попадали во вторую, Индустриальную, параллель только с помощью так называемых ворот. Способ, безусловно, удобный, но ненадежный – по дороге путешественники ухитрялись исчезать. Наверное, поэтому «ворота» запретили, официально они остались только в конторе хранителей. Люди месяцами ждали разрешений и виз, чтобы посетить Индустриальный мир, наполненный свободной энергией, курорт для страждущих. Люку было достаточно сделать один шаг. К сожалению, его талант ограничивался помещениями и автомобилями. Хотя на машинах он не любил пересекать границу: разрядится двигатель – и приехал... В Индустриале он оставил уже парочку отличных новеньких седанов.

Таксист сжалился над ним и подобрал на въезде в город. Уже через час Люкка выходил из машины на мостовую одного из самых фешенебельных районов. Огромный трехэтажный особняк с одной стеклянной стеной, а другой – увитой пожелтевшим плющом казался сказочным. Калитку открыл охранник с каменным лицом, он же расплатился с водителем.

По выложенной оранжевыми плитками дорожке между молоденькими яблоневыми деревьями Люк прошел к черному входу в коттедж, а оттуда, не

вытерев ног, в светлую теплую гостиную Главы Семьи.

Оскар, почти старик, полный, невысокий, с большими седыми усами, пожелтевшими от табака, скрестив худые ноги в тапочках в виде плюшевых медведей, развалился в глубоком кресле и внимательно изучал свежий номер «Новостей» через тонкие стеклышки узких очков. В большой пепельнице дымилась толстая сигара, на ветке огромного фикуса, упировавшегося зелеными листьями-опахалами в потолок, сидел воробей, снизу за ним плотоядно следил очень похожий на Оскара кот, такой же седой и тучный.

– Я запретил Раде собирать поминки, – не отвлекаясь от газеты, заявил Люкке мужчина. – Переодень рубашку, а то ее удар хватит. Ты весь в крови.

– Я восстанавливался в Индустриале. – Люк уселся в соседнее кресло. Серый кот тут же стал тереться о несвежие брюки. – Пакет я передал.

– Кредиты уже на твоем счете, – спокойно отозвался Оскар.

Люкка вытянул ноги, впервые за последние несколько дней почувствовав себя комфортно. Тут его взгляд упал на главную страницу газеты, которую Оскар специально держал так, чтобы Люк не пропустил новость на передовице. Надпись огромного заголовка гласила: «Столкновение! Хранители попирают законы?!»

Люк даже специально наклонился к отпечатанному мелкими типографскими буквами листу. Оскар молчал и делал вид, что не замечает его манипуляций.

– Что это значит? – наконец зло выдавил из себя Люкка, блеснув глазами.

– Это я хотел у тебя спросить, сынок. – Глава Семьи опустил газету и окатил мужчину холодным взглядом.

– Твою мать! – вырвалось у Люка. Он откинулся на диванные подушки и растер лицо. – Я ехал... – Он запнулся, не торопясь рассказывать, что задержался в соседнем городе по единственной причине – это была постель племянницы Оскара, роскошной длинноногой Карины. – В общем, дурацкая история. У меня машина сломалась. Хожу вокруг нее, как последний олух, а тут едет кортеж.

Узнали по номерам, что ли? Останавливаются и буквально набрасываются...

- Надеюсь, что в Суде твоя пламенная речь не будет звучать подобной чушью, - перебил его Оскар.

- Когда Суд? - вздохнул Люк.

- Завтра. И будет лучше, если ты на нем появишься. Постарайся не попасться в таком виде на глаза Раде, она у меня девочка впечатлительная.

Люк молча поднялся, чтобы уйти. Оскар прав, он проштрафился по полной программе.

- Я машину возьму. Моя сгорела.

- Вторая за последнюю неделю, - недовольно буркнул Оскар. - Тебе же она нравилась.

- Да, нравилась, - согласился Люк, покачав головой. - Неудачная неделя.

Глава Семьи снова уткнулся в газету, незаметно ухмыльнувшись в усы. Ни для кого не было секретом, что Оскар обожал, когда у Люка что-то не выходило. Он с упоением, не вмешиваясь, следил, как тот выпутывался из очередной разборки. Кажется, для старика сама жизнь Люкки представлялась бесконечным романом со страшными историями.

Уже дойдя до двери, Люкка вытащил из кармана мешочек.

- Ты знаешь, что это такое? - Он обернулся и резко бросил его старику, едва поднявшему голову.

Тот очень проворно и ловко схватил мешочек твердой, точной рукой. На большую морщинистую ладонь выкатилась деревянная стрелка. Она встrepенулась и повисла в воздухе.

- Хм-м, - только и смог пробормотать Оскар, разглядывая стрелку через стекла очков. - Понятия не имею.

– Именно из-за нее началась чехарда. Девчонка, которая меня ранила, была курьером, и она везла в контору эту вещь.

– Люк, – Оскар покосился на мужчину, – предупреждаю сразу. Я запрещаю тебе! Не смей копаться в этом. Семье не нужны лишние проблемы, нам и так грозят выселением. Повезет, если отвертимся. Если желаешь мстить, милости прошу, но интересы Семьи в первую очередь. Хочешь развеяться, тогда поезжай после Суда обратно к Карине, – добавил он по-стариковски ворчливо.

Стрелочка метнулась в сторону Люкки и застыла у самого лба, как будто желала впиться в кожу.

– О Карине подумаю, – сморщился тот, хватая стрелку в кулак.

Феликс

Его дом был молчалив и полон старых призраков, круживших под потолком, сидевших на кухне, лежавших на несвежих простынях постели. Феликс, пошатываясь, прошел в ванную комнату. Голова трещала, он проглотил два пакетика горького обезболивающего лекарства, запив водой из-под крана.

Мужчина, не расчесываясь, собрал длинные волосы в хвост и внимательно осмотрел себя в зеркале. Чуть помятая физиономия, заросшая двухдневной светлой щетиной, вызвала отвращение. Он хотел побриться, потом передумал. От слабости мутило, ловец совсем разрядился. Без ловушки для энергии он бы и дышать, наверное, не смог. Лучший в конторе хранителей. Лучший... Борец за добро и справедливость, твою мать!

Суд был назначен на сегодня.

Почти разряженная машина едва дотянула до станции подзарядки. Он въехал на круглую площадку и пихнул карточку-кредитку в узкую прорезь автомата. Приветливо подмигнула зеленая лампочка, вокруг машины загорелся голубоватый купол. На панели датчике бешено замелькали цифры – автомобиль впитывал в себя искусственную энергию, как губка. Феликс нажал на кнопку, и

салон наполнился приятной расслабляющей музыкой. Мужчина повернул голову и почувствовал, как брови сами собой ползут вверх. В спортивном автомобиле, стоящем на соседнем круге подзарядки, сидел Люкка и выглядел очень живым.

Феликс буравил злым взглядом точку у него на виске. Ладонь покалывало от желания сорвать с пояса призму и запустить в подлеца сгустком энергии. Люкка, словно почувствовав, оглянулся и окинул Феликса безразличным взглядом, безусловно не узнавая. Смазливая физиономия не выражала ни тени беспокойства, наоборот, мужчина казался сосредоточенным. Он резко нажал на педаль газа, машина взревела и, не дождавшись окончания зарядки, сорвалась с места.

- Твою мать! - пробормотал Феликс, пытаясь завестись.

Уступать негодяю он не собирался. Оставалась надежда, что до здания Суда автомобилю хватит энергии. Он тронулся, резко нажав на педаль, но в тот же момент наперерез ему выехала канареечная машинка с кудрявой старушкой за рулем. Феликс резко затормозил, и автомобиль заглох. Мужчина скрипнул зубами от злости.

Во всей этой паршивой ситуации присутствовал несомненный плюс - магнит не придется искать в Индустриале, его вор остался жив.

На заседание Суда он, конечно, опоздал.

В коридоре Феликс столкнулся с Люккой и буквально скрипнул зубами от желания хорошенько вмазать подонку в челюсть, просто чтобы сорвать копившееся все утро раздражение, но слишком много народа было вокруг. Зеваки с любопытством поглядывали на холодного и равнодушного красавца Романова, спокойно опаздывающего на рассмотрение собственного дела. Охранники с каменными лицами открыли створки высоких дверей, обитых буковыми панелями.

Огромный ярко освещенный зал заседаний походил на амфитеатр. Высокие скамьи полукругом сбегали к сцене вниз, зрители видели спины осужденных и лица четырех Судей, сидевших на балконе в креслах с высокими спинками. На фоне идеально белой стены их алые мантии казались кровавыми кляксами. Возраст вершителей закона разнился: самый молодой выглядел на девятнадцать

лет, самый старший – на сто девяносто. Их боялись и уважали, ведь люди, предназначенные для столь важной миссии, обладали редким талантом различать любую ложь. Конечно, если обвиняемый не верил в нее сам как в истину.

Мужчины спускались буквально плечом к плечу, Феликсу никак не хотелось ни шагу уступить Люкке, который сосредоточился на высокой девушке, стоявшей на сцене под строгими взорами Судей. На Ии был аккуратно отглаженный костюм, как-то сильно подчеркивающий ее хрупкость, а волосы заплетены в длинную светлую косу. Рядом с ней нервно переминался с ноги на ногу Докука, главный в отряде телохранителей, которые и начали бессмысленную схватку.

– Люкка! – рявкнул один из Судей, заведя последнего обвиняемого. – Мы с вами видимся в этом зале уже третий раз, и ни разу вы не пришли вовремя!

Феликс как раз усаживался рядом с Анатоном. Тот смотрел на Романова с беспокойством и нервно почесывал подбородок. На пальце мужчины блестел крупный перстень с рубином, и от его граней на высокую стену падали красноватые преломленные лучи.

– Вот так сюрприз, – буркнул он, кивнув в сторону Люкки.

– Господа, прошу прощения! – Неожиданно Романов улыбнулся так, что женская половина праздных зевак, находившаяся в зале, с замиранием сердца вздохнула.

Молоденькая Судья блеснула в его сторону глазами.

– Так, эта точно скосит ему приговор, – фыркнул Феликс, вытягивая ноги и скрестив руки на груди.

Он ощупал зал быстрым взглядом, заметив бледного волновавшегося отца Ии. Девушка, выглядевшая вполне спокойной доселе, вскинулась, услышав знакомый глубокий голос, и от одного вида живого оппонента ее глаза расширились в ужасе, а лицо вытянулось.

– Сейчас девчонка подпишет себе смертный приговор, а конторе штраф в миллион кредитов, – недовольно буркнул Феликс.

– Тихо ты! – цыкнули ему сверху.

Неожиданно блеснула вспышка фотокамеры.

– Кто пригласил газеты?

– Сами притащились, – отозвался Анатолий, – как только услышали имя Люкки Романова.

Газеты интересовало все, что каким-то образом было связано с Семейей. Хранители прекрасно знали об их темных делишках, но при отсутствии доказательств только огрызались. Как известно, не пойман – не вор, вот и рос лишай на карте города и прекрасно существовал все последние годы.

Народ вокруг волновался и шумел. После сердитого удара деревянным молотком воцарилась жидкая тишина, нарушаемая постоянными шепотками.

– Ия, мы просим вас повторить показания, – сварливо пробормотал самый старый Судья, перебирая бумаги, лежащие перед ним.

Он очень походил лицом на дога: подбородок стекал морщинистыми брылами, а маленькие красноватые глазки прятались под нависшими веками. Судья уже приготовился огласить обвинительный приговор всем троим, но мешали личные протекции Оскара в виде автомобиля стоимостью в пятьдесят тысяч кредитов и Альберта, год назад спасшего его племянника от ссылки в дальние провинции.

Девушка быстро облизнула губы и, стараясь не смотреть на Люкку, снова подняла голову к судейскому балкону:

– Люкка Романов напал на наш кортеж. На моих глазах он пытался убить человека, хранителя, сопровождавшего меня. Потом он взял меня в заложницы.

– Он вам угрожал? – во второй раз повторил этот вопрос Судья.

- Да, - твердо и убежденно произнесла Ия.

Она услышала, как Люкка фыркнул, и на ее щеках загорелся лихорадочный румянец. Зал заволновался.

- Ваша честь, - перебил ее Люкка, - этот человек, - он указал на застывшего главу отряда Докуку, - напал на меня, когда у меня сломалась машина. Мне пришлось защищаться. Я думаю, что энергетические следы уже сняты и могут служить лучшим доказательством того, что у меня действительно произошла поломка автомобиля, скорее всего, перегорел волновой движок. Да, это правда, что я сделал вид, будто взял в заложницы милую девицу. - Он кивнул в сторону Ии. - Но и это являлось актом самозащиты. Девушке ничего не угрожало.

Его лицо оставалось бесстрастным, а голос спокойным. Он говорил с легкой полуулыбкой, словно обращаясь не к Судьям, а к несмышленным детям.

Феликс видел, как бледное доселе лицо Ии с синяками от бессонницы под глазами стало пунцовым.

- Как можно сделать вид, что ты взял меня в заложницы?! - выкрикнула она Люкке, ткнув в него пальцем.

Тот как будто удивленно повернулся к ней.

- Ты пытался убить меня! - обвинила она мужчину.

Люкка изогнул правую бровь и только хмыкнул.

- Ваша честь, - он непонимающе развел руками, - не знаю, упоминала ли моя милая подруга, что это она буквально воткнула в мой бок энергетическую призму? - Зеваки заволновались.

Журналисты вдохновенно строчили в блокнотах, готовясь выпустить на первые полосы сенсацию: «Те, кто защищает закон, на самом деле попирают его!»

- Я защищалась! - заорала Ия, и по ее лицу потекли слезы.

– Ты защищала то, что перевозила на себе! – Люкка пригвоздил девушку холодным взглядом.

Зал охнул, Судьи переглянулись, Феликс выругался, а Анатолий прикрыл глаза.

Судья ожесточенно стучал молотком, пытаясь успокоить зал. Пришлось остановить заседание на десять минут, дожидаясь, пока откачают отца Ии, схватившегося за сердце, и выведут из зала особенно ретивых крикунов.

После воцарения порядка допрос продолжился.

– Что вы перевозили? – потребовал ответа Судья.

Феликс нервно забарабанил пяткой по полу.

Ия в предобморочном состоянии открыла рот. Она приготовилась совершить бессмысленный акт самоуничтожения – солгать. Любое слово, произнесенное в этом зале, не подкрепленное личной убежденностью, различалось Судьями, как фальшивая нота в стройном хоре певцов.

– Безделицу, ваша честь, – ответил Люкка за девушку.

Он повернулся к Анатолию и с широкой змеиной улыбкой спросил:

– Отчего только она оказалась такой важной для хранителей?

Феликс буквально физически ощутил перекрещенные на них с Анатолием взгляды.

– Твою мать... – вздохнул он.

Их спасли лишь резкие слова Судьи помоложе:

– Суд удаляется на совещание.

Когда фигуры в красных мантиях скрылись, то зал заполнили шум и гвалт.

– Мы, кажется, попали, – пробормотал едва слышно Феликс. – Этот подонок почуял, что наклеывается большое дело.

Анатолий молчал и следил за Люккой, спокойно скрестившим руки на груди и не сводившим взгляда с нервно вышагивающей взад-вперед Ии.

Судьи вернулись очень быстро. Зал затаил дыхание, напряжение вцепилось в глотки всех участников процесса, нависло под высоким куполообразным потолком и давило на головы. Встал самый молодой вершитель закона и звонким, ломающимся голосом зачитал приговор:

– Проанализировав показания и прочитав отчет о силовых линиях, Суд постановил. За развязывание боя в ночь на девятнадцатое октября две тысячи восьмого года и попрание пяти пунктов свода законов приговариваем Доуку Клепакова и Ию Норманову к исключению из рядов хранителей без возможности восстановления в должности. Предписываем сдать разрешение на ношение призм. При первом нарушении свода законов отправить в пятнадцатый квадрат лесной зоны на поселение. За поддержание столкновения, а также учитывая факт двух судебных разбирательств, предписываем Люкке Романову при первом нарушении свода законов перекрыть энергетический поток.

«Что приведет к тихой смерти в течение двадцати четырех часов», – продолжил про себя Феликс.

– Приговор зачитан и подлежит обжалованию лишь в случае изменения показаний одной из сторон. – Судья хлопнул папкой в звенящей тишине.

На лице Люкки не дрогнул ни единый мускул. Ия побледнела, приложив ладошку к посиневшим губам. Доука, глава отряда телохранителей, схватившись за сердце, пошатываясь, добрался до скамьи и тяжело присел, уставившись в пол бессмысленным взглядом.

Анатолий улыбнулся, становясь похожим на акулу:

– Ты со своими пессимистичными настроениями хочешь выбить меня из колеи, Феликс.

- Чему радоваться? – буркнул тот. – Магнит-то все равно у Романова.

Люкка

Он быстро шел по коридору Суда. Люк в общем-то ожидал нечто подобное. Ему практически выписали путевку на тот свет.

- Стой! – услышал он пронзительный женский голос и резко обернулся.

За ним буквально бежала Ия, стуча высокими каблуками. Ее лицо казалось сосредоточенным и покрасневшим от злости.

- Ты подонок! – заорала она, ткнув в него пальцем.

Бедняжку трясло от возмущения.

- Как можно сделать вид, что ты взял меня в заложницы?! Ты пытался меня убить! – буквально выплюнула она обвинения.

Ее глаза покраснели от непролитых слез. Люкка усмехнулся и засунул руки в карманы.

- Я не умею пытаться. Собственно, поэтому ты жива.

Девушка осеклась, открыв рот. По щеке пробежала черная от туши для ресниц мокрая дорожка, под глазом появился темный неряшливый след. Вокруг скандаливших тут же сгрудились зеваки, щелкнул затвор фотоаппарата. Девушка и мужчина смотрели друг на друга, не моргая и не шевелясь.

- Я тебя ненавижу! – прошептала она, сглотнув. – Слышишь, ты, чудовище?! Я ненавижу тебя!

- Я, пожалуй, переживу, – пожал плечами Люкка и развернулся, уже подвигая плечом столпившийся в коридоре народ, с замиранием сердца вслушивающийся

в каждый звук перепалки.

- Ты разрушил мою жизнь! - взвизгнула она, схватив его за руку и пытаясь развернуть к себе.

- Ты сама ее разрушила, - процедил Люк, отмахиваясь от нее, как от надоедливой мухи.

Девушка действительно сильно раздражала его. К тому же от долгого стояния перед судейскими осликами у него снова заныл бок, как будто в нем все еще зияла рана, полученная, между прочим, от руки этой дамочки.

Тут она его ударила - маленькими кулачками заколотила по спине. Люк едва успел перехватить ее руки, чтобы налетевшая смерчем бедняжка не упала.

- Хватит! - раздался громогласный возглас.

Из толпы к ним бросился высокий мужчина со светлыми волосами, собранными в хвост. Он оттащил девушку, и та прижалась к нему, сотрясаясь всем телом от рыданий. Его лицо показалось Люку знакомым. Он кивнул неожиданному спасителю в знак благодарности и протиснулся сквозь плотный строй зевак к выходу.

Только в машине Люк смог выдохнуть. По лобовому стеклу медленно стекали капли дождя, к дворнику прилип пожухлый коричневый кленовый лист. Вокруг здания Суда росло много кленов, по осени горящих пожаром. Уже зарождались сумерки, лениво разгоняемые тусклыми уличными огнями. От серости вокруг становилось как-то особенно паршиво на душе.

Люк нажал на кнопку, заводя мотор. Тут в стекло постучались, через запотевшее окно он смог разглядеть только неясный образ. Мужчина опустил стекло и увидел хмурого светловолосого типа, вмешавшегося в их с Ией скандал, только тут узнавая в нем худенького мальчика-студента, с которым учились на одном академическом потоке. Похоже, в отличие от Люка, тот все-таки окончил Академию и даже стал хранителем.

- Что? - вместо приветствия грубо бросил Люкка.

Мужчина криво усмехнулся, наклонившись, и облокотился на открытое окно.

- Ты меня не помнишь?

- Ты не девочка, чтобы тебя помнить, так что смутно, - хмыкнул тот в ответ.

- Феликс.

- Отлично. Прощай, Феликс.

- Послушай! - Неожиданно глаза вновь обретенного однокурсника загорелись агрессией. - Ты украл в ту ночь одну вещь. Ты знаешь, о чем я. Отдай ее мне. Сейчас же.

- Если у вас исчезла какая-то вещь, то спросите с малышки Ии.

- Отдай! - прошипел Феликс, сузив прозрачно-голубые глаза.

- Иначе что? - поднял одну бровь Люкка. - Ты перекроешь мне энергию, если я проеду на красный свет?

- Я уничтожу тебя...

- Странные слова для хранителя порядка и добра. - От злости у Люка потемнело в глазах.

В его голове мелькали картинки одна краше другой. Как он хватает Феликса за длинный хвост и прикладывает носом о дверь. Но за спиной стоял приговор, а тип, как назло, являлся официальным лицом, хранителем.

- Отходи, боюсь, ноги тебе отдавлю.

- Я все равно заберу у тебя магнит! - прошипел Феликс.

- Найди его, - хмыкнул Люкка, и его губы сложились в тонкую линию.

Через секунду он с такой силой нажал на педаль газа, что завизжали покрышки, а из-под колес повалил дым. Феликс едва успел отскочить от сорвавшегося с места автомобиля, обдавшего его брызгами грязной дождевой воды из бегущего по дороге ручья.

- Ну подожди у меня! - прошипел он, кидаясь к своей машине.

Буквально через пять секунд он уже засовывал ключ в зажигание, бросаясь в погоню за противником.

Вещица, о которой говорил Феликс, небрежно валялась в бардачке вместе с музыкальными дисками и перчатками. Люк хранил ее только как доказательство для Суда. Доказывать оказалось нечего, приговор ему, вероятно, подписали еще до начала слушания. Он честно не хотел соваться в это мутное дело, оно не вызывало даже любопытства, ведь Люк и так находился в неприятностях по самый кадык. Но теперь только слепец пропустил бы мимо факт, что хранители шли на открытый конфликт из-за маленькой деревянной стрелки. Мысль изменить свой приговор с ее помощью с каждой минутой приобретала все большую привлекательность. Вопрос из несущественного медленно превращался в принципиальный и насущный.

На широком проспекте Люк заметил догонявшую его седан серебристую машину, суетливо сновавшую среди автомобильного потока. Вместе они остановились на светофоре. Можно было не поворачивать головы, чтобы понять, кто сидит за рулем.

Они дожидались зеленого света, словно ретивые кони на скачках. Стоило лампочке мигнуть, как два автомобиля бешено сорвались с места, получив в награду град визгливых сигналов от едва успевшего остановиться встречного потока. Они гнали как безумные. За окнами мелькали световые пятна, смешивающиеся в единую смазанную полосу, но ни один из противников не желал уступить. Впереди замаячила ярко освещенная пасть тоннеля. Феликс несся рядом, не отставая ни на миллиметр.

Люк широко улыбнулся, влетая в тоннель на полной скорости. По капоту пробежали крохотные искры, машина на мгновение увязла во времени, чтобы выскочить в противоположном конце точно такого же тоннеля, но уже в Индустриальном мире. Через окно Люкка увидел ошарашенное выражение лица

водителя соседнего внедорожника – спортивный автомобиль вынырнул ниоткуда, появился из воздуха с мгновенной слепящей вспышкой.

Люк нажал на педаль газа, выжимая все силы из двигателя, и автомобиль, заревев, пулей ринулся вперед на красный свет. Со злорадством мужчина представил гримасу Феликса, когда тот обнаружит, что остался на дороге гордой одинокой птицей.

В этом мире, в этом городе, идентичном своему параллельному собрату, только ночью появлялась возможность насладиться настоящим движением. Выскочив на центральную улицу, светящуюся огромными витринами и вывесками ночных клубов, Люк чуть сбросил скорость. Собственно, очень вовремя.

Маленький красный автомобильчик, похожий на божью коровку, смущенно мигнув неправильным поворотником, стал отъезжать от обочины, медленно и неуклонно преграждая путь. Люк резко нажал на тормоз, крутанув рулем. Завизжали покрышки, огни мелькнули, слившись в сплошные полосы. С тупым толчком автомобиль остановился, повернувшись вокруг своей оси. Малолитражка испуганно притаилась, замерев на месте.

Люк чертыхнулся. От того, что он вцепился в руль, чтобы не вылететь через лобовое стекло, тот погнулся. Для полного набора неприятностей ему еще не хватало погибнуть по вине неумелого водителя в чужом мире! Люкка сидел, откинувшись на мягком сиденье, опустив руки на колени, в душе зарождалась волна гнева.

Ну что за неудачная неделя!

Неожиданно дверь распахнулась, и на Люкку уставились огромные испуганные глаза ярко-зеленого цвета, вероятно, от контактных линз.

– Вы живы?! – пролепетала девица; она даже заглянула в салон.

– Твоими силами, – процедил он сквозь зубы.

Неожиданно девушка замерла, а потом очень поспешно отошла на шаг. Люк видел, как она сорвалась с места и бросилась к своей машине, звонко простучав

каблучками. Он непроизвольно отметил, что фигурка у девицы была очень даже ничего. Узкие джинсы ладно облегали длинные ножки, а коротенькая курточка открывала круглую попку.

– Ты куда собралась, подруга? – рявкнул Люк и в жажде мщения выскочил на улицу.

Неприятно моросил холодный дождь, мокрый асфальт поблескивал в лучах искусственного света фонарей. Девица поспешно трясущейся рукой пыталась попасть ключом в зажигание.

– Ну уж нет! – процедил мужчина. – Чуть в гроб меня не вогнала и слинять решила?!

В одно мгновение он широко распахнул дверь и, схватив девицу за локоть, бесцеремонно вытащил наружу.

Ее длинные каштановые волосы подхватил ветер, и мелкие капли дождя покрыли их блестящей пудрой. Она молчала, низко опустив голову.

– Ты хоть понимаешь, что едва не угробила меня?! – грозно вопрошал Люк, хорошенько потрянув девушку за плечи. Больше всего ему хотелось придушить неумеху.

Она вскинулась, снова уставившись на него, как на удава, и вдруг он узнал ее. Аккуратно подкрашенными, полными ужаса глазами его рассматривала недавняя знакомая с мужским именем Евгения. Он недоверчиво развернул ее к свету. Она запомнилась ему похмельной истеричкой, неумытой и непричесанной, с худыми ногами. Сейчас перед ним стояла миловидная особа, ухоженная и вкусно пахнущая смесью тонких духов и ментоловых сигарет.

И – о чудо! – она выглядела испуганной.

– Ты?! – недоверчиво переспросил он.

Отчего-то желание свернуть девице шею испарилось само собой.

– Я не видела, что ты выезжаешь, – виновато пролепетала она, прикусив блестящую от помады губку, и повела плечами, стараясь освободиться от его железной хватки.

Он отпустил и, засунув руки в карманы, почувствовал необъяснимое желание расхохотаться. Сначала она его спасает, а потом пытается угробить. Разве не смешно?

– Я правда не хотела, – проблеяла Евгения, похоже испытывая настоящее раскаяние.

Люк качнулся на каблуках и направился к развернутому автомобилю. От этой девушки нужно было бежать со всех ног, пока она ненароком не покалечила его самого. Вдруг снова решит смазать его раны мерзко воняющей зеленой субстанцией?

– Слушай, тут такое дело! – вдруг позвала она.

Не обращая внимания на тонкий голос, наполненный мольбой, он уселся за руль, но Евгения оказалась гораздо настойчивее, чем он помнил.

– Постой! – Она снова заглянула к нему в салон, нагнувшись.

Под расстегнутой курточкой мелькнул очень низкий вырез откровенной блузки. Люк почувствовал себя последним олухом и со злостью нажал кнопку, чтобы завести мотор.

– Подожди! – не отставала Евгения.

Автомобиль, как в насмешку, отказывался заводиться. Уровень зарядки угрожающе приблизился к нулю.

– Ну что тебе? – сдался Люк.

– Слушай, я даже не знаю, как сказать...

Люк скрипнул зубами и уставился на нее, кажется девушка совсем засмузилась.

– В общем, коль уж мне так повезло, и мы опять... э-э... встретились, некоторым образом... Ты помнишь, пока я тебе жизнь спасала и давала отоспаться у себя в квартире, приезжала мои родители? – Люк изогнул одну бровь в немом вопросе, плохо понимая, к чему клонит настырная Евгения. – В общем, мама заявила, что если я завтра не приведу тебя на обед для официального знакомства, то моей счастливой свободной жизни придет конец.

– Так и сказала?

Ему было абсолютно наплевать, что там у нее происходило с мамашей и со всем семейством, вместе взятым.

– Ага, – потрясла она волосами, и до него снова донесся приятный аромат духов с легкой примесью табака.

– Наври ей, что я куда-нибудь уехал.

– Наврала, – призналась она, – но мне ответили, что только твоя скорая смерть может избавить меня от проблем. Я, конечно, сказала... – Евгения зарделась и замялась. – Ну сказала, что в этой своей поездке ты скоропостижно скончался от приступа совести, но мне никто не поверил.

Неожиданно даже для самого себя Люк широко улыбнулся:

– А ведь у тебя почти получилось убить меня!

– Сейчас-то? – В глазах снова мелькнуло раскаяние. – Да я только права получила...

– Когда пыталась вылечить меня своей зеленой мазью, – хохотнул Люк, перебивая очередной поток извинений. – Во сколько там твой обед?

– Так ты согласен? – не спросила – просияла она.

Девушка тут же отошла, вытаскивая из кармана телефон.

- Ты что делаешь? - изумился Люк, выглядывая.

- Фотографирую твой номер. - Евгения направила на номерной знак автомобиля круглый глазок фотокамеры мобильного. - Если ты решишь завтра испариться, то я запрошу твой номер в ГАИ и все равно найду тебя.

- Очень предусмотрительно.

- Слушай, а что у тебя номера европейские? Странные какие-то. - Она удовлетворенно разглядывала изображение на маленьком экране.

- Ну да. Европейские, - хмыкнул в ответ Люк.

Евгения

Мне жутко повезло! Наверное, повезло больше, чем счастливицу, выигравшему миллион долларов! Я встретила нахала, забравшегося ко мне в квартиру, и теперь моя привычная жизнь была спасена!

От тяжелого разговора с мамашей до сих пор сводило живот в жалобной судороге. Признаться, я пребывала в таком отчаянии, что накануне днем посетила модельное агентство подруги, надеясь нанять похожего на Люкку парня на роль горячего влюбленного Ромео. Но, к сожалению, все черноволосые высокие красавчики выглядели лишь жалкими копиями рядом с тем мужчиной. Тут я его самым решительным образом прокляла. Внешность Люкки оказалась огромной проблемой! Поэтому, когда наши автомобили едва не столкнулись на пустой центральной улице, то стало ясно, что мне на голову свалилось невероятное счастье. В порыве вдохновения я попросила Люкку сходить на пресловутый обед, чтобы хотя бы как-то отсрочить мое возвращение в родительский дом. В конце концов, должна же у подлеца быть хотя бы капля благодарности за спасенную жизнь?

К середине дня я извелась и решила, что он меня обманул, но в назначенное время к подъезду плавно подъехал черный блестящий автомобиль, который едва не протаранил меня ночью. От облегчения у меня выступили слезы благодарности.

Собственно, все добрые чувства быстро испарились, когда, цокая высоченными и неудобными каблуками, в скромном платье, приличествующем случаю, я подошла к автомобилю, сжимая в руках сумочку. Мой кавалер даже не сдвинулся с места. Открывая дверь, я поломала ноготь и неловко шлепнулась на сиденье, застряв каблуком в решетке для сточных вод.

- Добрый вечер! - обворожительно улыбнулся Люкка.

На нем был светло-бежевый джемпер из тончайшего кашемира. На запястье, опутанном тонким шнурком, болтался круглый медальон.

- Привет, - буркнула я недовольно, поправляя сдернутый ремешок на босоножке, и тут заметила внимательный взгляд Люкки, с полуулыбкой изучавшего мою тонкую бледную лодыжку.

Я кашлянула, поспешно опустил ногу, и почувствовала себя крайне неудобно.

- Я купил твоей матери цветы, - кивнул он, нажимая на кнопку зажигания.

Автомобиль довольно заурчал.

На заднем сиденье величаво возлежал огромный букет роз с темно-бордовыми тугими бутонами, испещренными тонкими розоватыми жилками, похожими на вены. В салоне действительно сильно пахло цветами.

- Очень галантно, - поперхнулась я, представляя довольное мамино лицо, неподвижное от уколов «сыворотки вечной молодости», а потом призналась: - Никогда таких роз не видела.

Весь путь до дома родителей мы провели в напряженном молчании. Люкка несся как сумасшедший, а я только втягивала голову в плечи, когда слышала визгливые сигналы очередного подрезанного автомобиля. Не спуская взгляда с

дороги, я нащупала ремень безопасности и поспешно пристегнулась, сильно пожалев, что не договорилась встретиться со своим визави где-нибудь на нейтральной территории поближе к родным пенатам. Нога сама собой искала педаль тормоза и даже периодически пыталась надавить на воздух.

Когда мама открыла дверь, то выражение ее лица превзошло мои даже самые смелые ожидания. От шока, перемешенного с недоверием, у мамыши ожили все мышцы лица, напрочь убитые ботоксом.

– Женечка?! – только и смогла пролепетать она, вперив взгляд в чуть усмехавшегося Люкку.

С первых слов того памятного телефонного разговора она заявила, что мой знакомый в набедренной повязке – это развлечение на одну ночь. Посему мама поняла, что я встала на такую скользкую дорожку, по которой можно двигаться только стремительно вниз и только на горных лыжах. Далее по тексту шли отсутствие ответственности, лень и безразличие. В глубине души я прекрасно понимала, что мама права по всем пунктам, а потому мне становилось особенно стыдно и паршиво.

– Привет! – буркнула я.

Надо отдать должное, Люкка прекрасно исполнял роль моего возлюбленного.

– Маргарита Федоровна? – Он прямо с порога пихнул в руки мамаше такой огромный букет, что та едва не уронила цветы, и, положив горячие ладони мне на плечи, подтолкнул в светлую прихожую с высокими потолками и хрустальной люстрой с сотней прозрачных висюлек.

– Как только... – Он запнулся и после паузы, словно раздумывая, как назвать меня, продолжил: – Ева попросила меня приехать, я сорвался с работы и вернулся в город.

Имя Ева звучало так же пошло, как Женечка. Наверное, мое лицо вытянулось сильнее, чем у мамыши.

Врал он, надо признать, вдохновенно. Я стояла как последняя дура, натянуто улыбалась и следила за тем, как мама меняется, словно выбирая линию поведения и останавливаясь на нежном снисходительном отношении умудренной жизнью дамы. Похоже, бархатный голос и внешняя красота Люкки покорили ее, как в шестьдесят первом году первая советская ракета космос.

– Я и не думал, что наша неожиданная встреча может как-то вас с Олегом Германовичем расстроить. – Люкка пожал пухлую папину руку, испачканную в чернилах.

Отец не признавал компьютеры и писал свои разгромные рецензии только от руки, после чего мама, нацепив на нос очки, перепечатывала их двумя пальцами на старой печатной машинке.

– Расстроить? – Мамаша округлила глаза. – Да что вы! Мы с Олегом Германовичем просто немного, – она судорожно подбирала подходящее слово, – удивились.

– Она сказала, что закроет меня дома до конца моей жизни и отнимет кредитку, – без зазрения совести громко пожаловалась я Люкке, как будто тот мог быстренько переубедить родителей не предпринимать подобные решительные меры.

Ужин, как ни странно, прошел гладко. Люкка с чарующей улыбкой отвечал на все мамшины вопросы, незаметно и виртуозно перемешивал тонкий коктейль лжи, что все звучало сущей правдой. Я так врать не умела. Господи, даже от малейшей неправды у меня отнимался язык, и слова превращались в нечленораздельный лепет.

– А вы живете в городе? – обстреливала мама вопросами.

– Я все больше в разъездах, – улыбнулся мой гость, положив в рот крошечный кусочек мяса.

И тут же запил съеденное водой, по-прежнему сохраняя на лице вежливое выражение. Когда я попробовала отбивную, она оказалась нашпигованной жгучим перцем.

- Путешествуете?

- В некотором роде, - снова кивнул Люкка.

- А чем вы занимаетесь? Я имею в виду работу, - не унималась мамаша.

Я чувствовала, что мне кусок не лез в горло. Папаша накачивался под шумок коньяком, а я боролась с позорным желанием схватить бутылку и выхлебать алкоголь прямо из горла, чтобы хотя бы чуть-чуть расслабиться.

- Я занимаюсь перевозками, - отозвался мужчина туманно.

- О у вас свое дело? - просияла мама от собственной догадки и пригубила вина, стрельнув в Люкку одним из своих очаровательных актерских взглядов.

Ее поведение становилось просто неприличным.

- Скорее я наемный работник.

От прозвучавшего в его словах непонятого подтекста у меня екнуло сердце. Мама недовольно поджала губы, высчитывая про себя уровень зарплаты потенциального жениха и его перспективы карьерного роста. Судя по складке между бровей, перспективы ее не обрадовали.

- Коньячку? - вступил в разговор отец уже не слишком трезвым голосом.

- Пожалуй, нет, - сморщился Люкка, будто ему предложили хлебнуть яблочного уксуса.

На кухне мама без зазрения совести и совершенно откровенно заявила заговорщицким шепотом, стараясь спрятать под густо накрашенными ресницами мечтательный взгляд:

- Он действительно хорош, но, по-моему, слишком взрослый для тебя.

- Мама! - скрипнула я зубами.

– Скажи, сколько ему лет?

Сколько ему лет? Я запаниковала, а потом выпалила наугад:

– Двадцать четыре!

Как удачно соврала, два года – отличная разница в возрасте.

– На самом деле мне двадцать восемь, – услышали мы одновременно бархатный голос, и я заметила, как у мамы, разрезающей торт, дрогнула рука. – Но Ева, – отчего-то странно уменьшенное имя в его устах звучало до отвращения интимно, – боится, что вы не одобрите ее знакомство со взрослым мужчиной.

На красивой физиономии рисовалось лукавство, и я едва слышно зашипела в его сторону. Не оставалось никаких сомнений, что Люкка слышал каждое слово из наших тайных переговоров. Отвернувшись, я лихорадочно кромсала кружками, призванными называться тонкими, лимон.

– Да что вы, – беззаботно махнула мама ножом, перемазанным в масляном креме, – отец Женечки старше меня на пятнадцать лет. Просто наша дочь, – она окинула меня недоумевающим взглядом, словно высчитывая, не подменили ли меня в роддоме, – сложная девочка.

Я зажмурилась и попросила про себя: «Только не говори это вслух!»

– У нее богатый внутренний мир.

Молитва все-таки не помогла.

Почему я не могу провалиться на месте или зайти в дверь чулана, а выйти уже в своей маленькой знакомой квартирке с обоями в цветочек?!

– Да что вы? – услышала я насмешливый баритон и тюкнула острым лезвием ножа по пальцу. Кожу от едкой лимонной кислоты зашипало, и выступила кровь. Кажется, от стыда у меня загорелись даже уши.

– Да-да, поверьте! Она очень талантлива, очень! – продолжала меня нахваливать мама, будто продавала на рынке за сходную цену. – Вы, наверное, знаете, что после литературного института Женечка решила написать собственный роман? Бедняжка, она ведь работает над этим своим романом сутками! Так переживает, что никому не дает его читать. Она говорила вам об этом?

– Нет, как-то не упоминала... – Голос буквально измывался, я чувствовала, что Люкка буравил взглядом мой затылок.

– Женечка настоящий трудоголик. В общем, стоит признаться, – щебетала мамаша, – мы уже и не думали, что она сможет с кем-то познакомиться. Ну вы понимаете, Женечка не дурнушка, конечно, но и не писаная красавица... – Мама осеклась, догадавшись, что ее понесло. – Мы, честно, очень переживали с папой, а тут вы... Такой... – вложила она в единственное слово многочисленные эпитеты мужской красоты. – Знаете, она очень, очень ранимая. Она такая... – И тут мама не нашла ничего лучше, как нараспев продекламировать четверостишие собственного сочинения: – Возможно, не красавица, но ты прекрасна, если близко приглядеться! Вблизи ты такходишь на цветок, а запах западает прямо в сердце.

«Я Пастернака не читал, но, знаю, сволочью он был известной!» Я кашлянула, чтобы заполнить неловкую паузу.

Мама подхватила торт и унеслась в гостиную, торопясь отобрать у отца остатки коньяка и жирную грудинку, которую ему запретил модный диетолог, нанятый мамашей всего месяц назад за бешеные деньги.

Я прижалась лбом к дверце навесного шкафа, боясь даже оглянуться. Люкка встал рядом, скрестив руки на груди.

– Без комментариев, пожалуйста, – сквозь зубы пробормотала я.

– Значит, день и ночь корпишь над романом? – услышала я бархатный голос.

– Господи, хватит! Я и так сейчас умру от стыда! – взмолилась я. Оказывается, он внимательно следил за моим нервным лицом, в глазах плясали самбу черти. Его губы отчего-то находились совсем рядом с моими.

И что-то случилось со мной. Как будто внутри сверкнуло, а внизу живота как-то странно заняло. Неожиданно нахлынула волна необъяснимого смущения.

Когда мы добрались наконец до моего дома, город накрыла темнота. Загорелись мириады ночных искусственных огней. Маленький двор, заставленный автомобилями, окунулся в тишину и прохладу. За обратную дорогу я не могла выдать ни единого звука, как сломанный граммофон, и чувствовала себя хуже некуда.

Люк остановился у подъезда и заглушил мотор. На этот раз он вышел, а я застыла, как гипсовое изваяние, не смея пошевелиться. Люкка галантно открыл дверь у пассажирского сиденья и нагнулся ко мне, в темноте его голос обволакивал от макушки до пяток:

– Пригласишь к себе?

Я быстро облизала губы и покачала головой, боясь даже покоситься на мужчину, чтобы не сдать:

– Вряд ли.

Он усмехнулся и помог мне выбраться на тротуар. Поддерживая под локоть, Люкка проводил меня до подъезда. Пустой двор с одинокими тополями утопал в темноте, разбавленной лишь светом единственного фонаря. Как-то по-особенному грустно пахло осенним холодом. Дымное небо прорезали лучи прожекторов, заменяющие звезды. Только половинка бледной луны, чуть прикрытая ватой черных облаков, печально подмигивала земле.

– Прощай, – только и сказал он.

– Спасибо.

Голос как-то нехорошо дрогнул, сердце сжалось. Неужели он даже не попытается настоять?! Господи, хоть бы поцеловал, что ли! Тогда бы я растаяла и быстренько поменяла свое решение. Я совсем не хочу быть твердой.

Но он лишь усмехнулся, спрятав руки в карманы:

– Иди, а то совсем замерзнешь.

Если бы он только знал, что мурашки по открытым рукам побежали вовсе не от ночной прохлады.

Люкка

Когда он заходил в светлое фойе дома, где жил на тринадцатом этаже, то уже почувствовал легкое беспокойство. Внутренний голос подсказывал ему, что, скорее всего, «гости» дожидались его в гостиной, развалившись на диванах и попивая лучший коньяк, принесенный всего пару недель назад из Индустриала.

Собственно, он не ошибся. Выйдя из лифта в огромный холл, Люк увидел у своей двери двух замерших охранников, безучастных и немых, и тут же узнал в них телохранителей Оскара.

Что за неудачная неделя?! Что за паршивый день?!

Отчего-то злость на собственное невезение приобрела иное направление. В голове вспыхнул образ маленького личика Евгении, как-то смущенно отсылающей его восвояси.

Ни одна женщина. Ни разу в жизни. Не отказывала ему.

Он же знал, что его красивая физиономия буквально завораживала их, гипнотизировала и заставляла сдаться по первому щелчку пальцев. Люкка прекрасно видел, что происходило с Евгенией на родительской кухне. Слышал бешеный стук ее сердца, видел подрагивающую жилку на шее, нервный румянец, когда он называл ее Евой. Она попалась, как ребенок...

Какого же тогда ляда?!

Вместо приятного вечера ему придется встречаться с отцом Семьи.

Оскар действительно сидел на диване, закинув ногу на ногу, и смотрел старое видение. В пустой огромной квартире громкий звук разносился злобным эхом. По горизонтальному большому экрану, стоявшему посреди комнаты, между крошечных, выглядевших почти настоящими деревьев носились разноцветные трехмерные фигурки людей. Когда сигнал сбивался, то они подергивались рывком, их ноги и руки расползались в разные стороны.

- Люк, это видение просто умора! - Оскар, не глядя на мужчину, ткнул пальцем в сторону метавшихся человечков и осклабился.

- Здравствуй, Оскар. - Люк застыл в дверях, скрестив руки на груди.

- Ты не весел, друг мой? - Глава Семьи нажал на красную кнопку на длинном пульте. Экран вспыхнул и погас, разноцветные человечки исчезли.

- Не до веселья, - скрипнув зубами, согласился Люк.

На скуластом лице заходили желваки, глаза прищурились.

Из кухни, жуя большой бутерброд, вышел щупленький мужчина с коротким ежиком на голове. Нижняя челюсть с острым подбородком, не останавливаясь, перемалывала, как жернова, толстый кусок хлеба с сыром.

- Здорово, Люк, - прохрипел он.

- Здравствуй, Петр, - спокойно отозвался Люк, стараясь не выказывать своего раздражения по поводу прожорливого гостя, смолотившего деликатесы из холодильника. От трижды похороненного Петра, как всегда, пахло резким одеколоном, и этот запах намертво привязался к Люку, казалось, им провоняла вся квартира.

- У меня есть работа. - Оскар изучал Люка холодным взглядом.

- Я больше не работаю, Оскар. - Люкка пожал плечами, хотя он прекрасно знал, что отцу Семейства не отказывают.

- С каких пор? - вклинился в диалог Петр.

– С сегодняшнего дня. Думаю, о моем приговоре ты уже слышал, Оскар. Один неверный шаг – и мне конец. Они меня найдут даже в Индустриале.

– Люк, – Оскар поцокал языком, – ты знаешь, я отношусь к тебе как к сыну...

– Не смей меня, – перебил его Люк, сморщившись, – ты платишь мне за услуги. С сегодняшнего дня я больше не буду работать твоим перевозчиком. Думаю, тебе нужно поискать нового курьера.

– Последний раз, – хищно улыбнулся Оскар. – Я понимаю твою обеспокоенность, сынок. Но здесь действительно ничего криминального. Просто отвезти в Индустриал к Руте глупую мелочь.

– Где Рута находится?

– О моя милая женушка отдыхает на морском побережье, – хитро блеснул глазами Оскар.

Люк прикинул. Чтобы переместиться на побережье во второй параллели, нужно было отмахать приблизительно девятьсот километров на юг здесь, только так он смог бы попасть в нужную точку. Похоже, Оскар не самым изящным способом пытался избавиться от него на несколько дней. Оставалось непонятным, для чего.

– Хорошо, – кивнул Люк, понимая, что идти на открытый конфликт в его положении равносильно смертному приговору. – Последний раз, и он обойдется по двойной стоимости.

– Спасибо, сынок. Кредиты что? Чепуха! – Оскар сжал его в объятиях и похлопал по спине. – Послезавтра Карина привезет эту вещь ко мне, вот и тронешься в дорогу. Не торопись особенно, не гони в пути. Не стоит глупо рисковать своей жизнью из-за неверных решений.

Люк быстро отстранился, услышав в словах старика вполне определенную угрозу.

Оскар суетливо засобирался на выход, для чего-то хлопая себя по карманам. Петр, дожевывая последний кусок, молча направился вслед за хозяином, как преданный пес.

– Послушай, Люкка! – Как будто случайно Оскар помедлил, собираясь выйти в коридор. – Та вещь, что ты мне показывал, эта стрелка еще у тебя?

– Нет, – коротко соврал Люк, не моргнув глазом. – Я избавился от нее. В моем положении не стоит искать новых приключений.

– Очень мудро, сынок. Очень мудро, – одобрил Оскар.

Петр с подхалимажем открыл для него дверь, шутливо откозыряв, старик убрался из квартиры.

Они вышли в длинный коридор, освещенный богатыми ночниками и устланный ковровой дорожкой, как в хорошей дорогой гостинице. Морщинистое округлое лицо Оскара моментально растеряло добродушный вид.

– Следи за ним, – коротко приказал он Петру, не отстававшему ни на шаг. – Он должен уехать из города, пока не наломал дров. Семье не нужны лишние осложнения из-за этого гребаного ангела мщения. Пока он здесь, не спускай с него глаз. Я же вижу, он что-то задумал...

Анатолий

С каждым днем становилось все хуже и хуже. С каждым днем Анатолий все больше сходил с ума. Маятник, просто двадцатитрехлетний мальчишка, сбегал от него со скоростью дрессированного таракана. Он прятался под плинтусами, окапывался в норках, обманывал. Анатолий бросил все лучшие кадры отдела на поиски беглеца, но все их усилия заканчивались нулевым результатом. Пока мальчишка находился рядом с энергетическими резервуарами, его способность становилась худшим врагом хранителей.

Анатолий с тоской посмотрел на дату, отраженную на циферблате больших круглых часов, окольцовывавших запястье. Время убывало в геометрической прогрессии. Скоро третий мир должен был начать свое существование, а у них не осталось ни магнита, прорубавшего ворота, ни маятника, способного почувствовать точное место. Альберт орал с утра до ночи и доводил своего секретаря до нервной икоты. В коридорах конторы совсем перестали шутить и смеяться. Все старались побыстрее прошмыгнуть на рабочие места, а оперативники срочно отбыли на специальные задания, хотя всего неделю назад новая помощница Анатолия, Грета, ходила за ними хвостом и умоляла забрать папки для изучения «дел».

Анатолий сидел в машине, слушая, как бесконечный дождь барабанит по брезентовой крыше кабриолета. Говорили, что сейчас в Индустриале конец лета. Тепло и сухо, море свободной энергии и солнца. В их мире преобладали сырость, серость и постоянная борьба за энергетические крохи. А ему в этом году опять не дали разрешение посетить вторую параллель, чтобы отвезти туда его маленькую девочку.

Мужчина потер о рукав ловец энергии – свой отдал дочери, пришлось вытащить из шкапулки ловец умершей жены с крупным прозрачным хрусталем. Омерзительная вещь и накапливала энергию отвратительно. Беленький дом Анатолия, окруженный осенним садом, мок под низкими дождливыми облаками. В окнах горел желтый свет, на крыльце под крышей свернулась полосатая соседская кошка, которую нянька дочери подкармливала втихомолку.

Он так и представил узкое недовольное лицо женщины с поджатыми губами, всегда державшейся от его белокурой малышки на расстоянии вытянутой руки. Маленькая принцесса Анатолия носила в себе редкую болезнь – она не могла ловить свободную энергию, только отбирала и впитывала, как губка, у окружающих людей. Врач назвал болезнь «энергетическим вампиризмом» и сказал, что дальше будет только хуже.

Домой страшно не хотелось идти, но он заставил себя заглушить мотор, подхватил кожаную папку и, впусив в теплый салон толику промозглого сквозняка, оставил автомобиль на подъездной дорожке, озаренной уличными фонарями. Анатолий всегда возвращался по ночам, и маленькая дочь, не ложась спать, дождалась его в гостиной, зевая от усталости.

– Это я! – позвал он, снимая с себя промокшую куртку.

– Папа! – услышал он радостный крик дочери. Малышка всегда выбегала его встречать, но не сегодня. – Иди сюда! У нас гость!

Анатолий на мгновение замер, чувствуя, как в груди змеей сворачивается липкий страх. Он сделал только один шаг, чтобы увидеть худощавую фигуру черноволосого мужчины, который, закинув ногу на ногу, сидел на диване рядом с его маленькой девочкой. Алиса, рассматривавшая книгу с яркими картинками, подняла голову и улыбнулась во весь рот, сиявший дыркой вместо передних зубов. На шее девочки болтались два крупных ловца энергии – один выданный ей при рождении, второй – принадлежащий Анатолию, тяжелый мужской медальон.

– Здравствуй, – кивнул Люкка и мягко положил ладонь на узкую спину его дочери.

Анатолий почувствовал, как перед глазами поплыло. Он стоял посреди прихожей, опустив руки, и трясся от страха. Пояс с энергетическими призмами он всегда оставлял в конторе: в этом городе, в этом мире не находилось безумцев, желавших напасть на правую руку Главы конторы хранителей.

– Папа! Почему ты не проходишь? – Алиса снова подняла взгляд от книжки. – Смотри, Люкка сказал, что теперь мне больше не нужно столько украшений! – Она потрясла ловцами. Радужки глаз девочки в неярком освещении блестели кроваво-красным цветом.

Медальоны вместо голубоватого мертвенного блеска светились ярко-алыми всполохами «агрессивной» энергии.

– Что ты с ней сделал?! – прошептал Анатолий и резко бросил свое неповоротливое, пухлое тело на противника, желая схватить его за грудки. – Что ты с ней сделал, подонок?!

Люк двигался с грацией пантеры, и уже через короткий миг он обхватил Анатолия руками, словно они были старыми увидевшимися впервые за много лет друзьями.

– Тихо, – прошептал Люк на ухо мужчине, ледяной холод ладони убийцы доходил до самого позвоночника. – Ты же не хочешь испугать Алису?

– Не здесь, – пробормотал Анатолий. – Пойдем в кабинет. Мы сейчас, детка, – скорчил он гримасу наподобие улыбки в сторону дочери.

– Только не задерживайтесь, – попросила наивно малышка, перелистывая страницы без картинок.

В дверях маленькой комнаты, освещенной лишь настольной лампой, Люк с силой толкнул Анатолия в спину, так что тот споткнулся и едва не рухнул на ковер.

– Ты ответишь за все! – пробормотал Анатолий. – Если до Суда дойдет, что ты забрался в мой дом и угрожал мне... – Он задохнулся от невыплеснутой ярости. – Ты труп!

– Теперь рассказывай! – приказал Люк, глядя на поверженного противника, цеплявшегося за крышку стола, чтобы подняться.

Казалось, он не расслышал угрозы. Лицо с широкими скулами и почти черными глазами скривилось в отвращении при виде неповоротливого увальня.

Люкка вытащил из кармана мешочек, вытряхнул деревянную стрелку на ладонь. Галочка, словно живая, подскочила в воздухе и застыла, не шевелясь, подобно дротику нацелившись в лоб Анатолия. От изумления, граничившего с ужасом, тот застыл. Он даже не представлял, как выглядит магнит.

– Что это? – требовательно спросил Люк, глядя на побледневшего помощника Главы конторы хранителей.

Тот открывал и закрывал рот, не в состоянии произнести ни слова. Его взгляд метался по комнате, подолгу не останавливаясь ни на одном из предметов, а потом он сделал глупое и ненужное движение – дернулся к документам, лежавшим очень неудачно, на самом видном месте, и выдал себя с головой.

Люкка отреагировал моментально: зажав стрелку в кулаке, в два прыжка он оказался рядом и молниеносным движением выхватил папку. Внутри оказался

единственный листок с личным делом Романа Белого. С маленькой цветной фотографии смотрел парень лет двадцати трех с каштановыми коротко стриженными волосами и небольшим, в монету, коричневым родимым пятном на щеке.

- Кто это? - Он ткнул листом в Анатоля.

Тот молчал.

- Говори! - Ледяная ладонь прижалась к мягкому горлу, поросшему темной щетиной. - Что происходит?!

Анатолий чувствовал, как кожу охватывает мертвенный холод, гортань сводит болезненной судорогой. Страх пронзил каждую клеточку тела, затопил мозг, застлал глаза черной пеленой.

Он ненавидел свои губы, прошептавшие предательские слова:

- Скоро открывается новый мир...

- Что? - От неожиданной правды Люк ослабил хватку. - Что значит «новый мир»?!

- Третья параллель, - прошептал Анатолий. - Этот мальчик - маятник, только он способен почувствовать, в каком именно месте откроется проход. Эта стрелка - энергетический магнит, она закрепляет точку расхождения пространства. Отпусти. У меня дочь...

Люк опустил руку, Анатолий схватился за шею с заметными синеватыми отпечатками пальцев и закашлялся.

- Ия права - ты монстр! - прохрипел он.

- Ей лучше знать. - Люк направился к выходу.

Все, что он выяснил здесь, нужно было хорошенько обдумать.

– Я ненавижу тебя, ты сделал меня предателем!

– Послушай, приятель, – обернулся Люкка, – если ты будешь молчать, то я тоже обещаю никому не говорить. Пусть разговор будет нашим маленьким секретом. – Он насмеялся над Анатолом, как над несмышленым мальчишкой.

Самое ужасное, что он был прав. Стоило вызвать хранителей, чтобы те арестовали Люкку и усыпили, как бешеную собаку, его карьере пришел бы конец.

Шантажист уже открыл дверь, когда Анатолий с ненавистью прошипел ему в спину:

– Что ты сделал с Алисой?!

– Я спас твоей дочери жизнь... – пожал тот плечами и, не оборачиваясь, вышел.

– Ты напитал ее своей поганой энергией! – завизжал фальцетом Анатолий, бросаясь следом. – Как она сможет жить, когда ее будет переполнять ненависть к миру?!

– Ненависть? Ты думаешь? – Неожиданно на лице Романова появилось недоумение. – Твое «спасибо» выше всяких похвал. Может, у нее и разовьется не слишком светлый, – подчеркнул он с подтекстом, – талант, но по крайней мере она будет жить.

Люкка ушел, испачкав грязными ботинками идеально чистую жизнь Анатолия. В бессилии тучный мужчина прижался к стене и осел на пол, закрывая лицо руками. Его плечи сотрясались от рыданий.

Люкка

Решение спрятать магнит, деревянную стрелку, пришло, едва он услышал от Анатолия о открывающейся третьей параллели. Эта тайна хранителей была его единственным шансом снять с себя приговор. Что они отдадут за магнит? Судя

по реакции его бывшего однокурсника – что угодно. Они будут готовы повесить вину на себя, лишь бы стрелка вернулась, а уж крайнего в своих рядах хранители всегда находили с легкостью.

Он быстро набрал на мобильном телефоне номер, который помнил наизусть еще с тех времен, когда ему казалось, что хранители – оплот справедливости. Номер застыл в его памяти, как позорное клеймо, которое было невозможно свести.

Раздались долгие гудки, потом ответил недовольный голос:

– Да.

Похоже, Люк вытащил своего собеседника из постели.

– Я все знаю, – вместо приветствия произнес он спокойно.

На другом конце замерли.

– Послушай, Альберт, – Люк нажал на газ, рискованно обгоняя зазевавшийся автомобиль, – ты прекрасно знаешь, что магнит у меня.

– Что ты хочешь, Люкка? – Глава конторы хранителей даже голосом не выдал своего напряжения. Собственно, именно он научил Люка сохранять холодную голову и вселенское спокойствие в самых паршивых ситуациях.

– Мы можем договориться, – резко сказал Люк. – Я верну магнит, но только после того, как твоя контора полностью возьмет на себя ответственность за инцидент за городом. Ты лучше меня знаешь, что я лишь случайный эпизод в вашей пьесе. Ты изменишь приговор – я отдам тебе вещь.

– Люкка, тебе известно – я никогда не торгуюсь.

– А еще мне известно, что ты легко подставляешь, Альберт. Найди козла отпущения, виноватого, и твоему лохматому псу Феликсу, или как его там, не придется рыть землю носом, чтобы отыскать стрелку. Как понимаю, времени у вас немного, параллель скоро откроется. Мне наплевать на ваши планы, я лишь хочу, чтобы Суд снял с меня обвинения. Подумай, Альберт, мое предложение

выгодно нам обоим. Завтра я жду от тебя ответа.

Не попрощавшись, Люкка отключился, уверенный, что хитрый и расчетливый Альберт Штейн примет верное решение.

Под утро через тоннель Люк пересек границу двух миров, сегодня не замеченный никем. Улицы города-дублера в Индустриальном мире пока пустовали от вечных пробок, и Люкка быстро добрался до площади трех вокзалов.

По раннему часу площадь пустовала. Солнце окрашивало сонные здания магазинов желтоватыми косыми лучами – похоже, день обещал одарить горожан запоздалым летним зноем. Лениво проезжали редкие автомобили, большие водовозы сбивали с бордюров пыль, превращая ее в грязную жижу. Шатались полупьяные бродяги, похожие на измученных сов.

Люк припарковался и быстро зашел в здание вокзала, где спустился под землю в темную небольшую комнату с камерами хранения. На одной стене серели железные дверцы сейфов для багажа. На каждой мигали желтоватые электронные экраны и маленькие точки лампочек. Спрятав в одну из камер мешочек с указателем, Люк сунул в щель купюроприемника бумажку с денежным знаком в тысячу рублей.

В его мире давно перестали ходить бумажные деньги, только карточки с кредитами. Никаких монет, кошельков и прочей чепухи. Отчего в отсталой параллели так мало пользовались удобствами цивилизации, для Люкки оставалось секретом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/efiminyuk_marina/uskol-zayuschiy-mir

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)